Съ нами Богъ!

В. СОЛОНИХА

ИСКРЫ ЖИЗНИ

ЧАСТЬ I

РАЗСКАЗЫ ОБЪ АФРИКѢ

РОССІЙСКІЙ ИМПЕРСКІЙ СОЮЗЪ - ОРДЕНЪ
Издательство "Русское Слово"
Буэносъ-Айресъ, 1969 г.

Съ нами Богъ!

В. СОЛОНИХА

ИСКРЫ ЖИЗНИ

ЧАСТЬ I

РАЗСКАЗЫ ОБЪ АФРИКѢ

РОССІЙСКІЙ ИМПЕРСКІЙ СОЮЗЪ - ОРДЕНЪ
Издательство "Русское Слово"
Буэносъ-Айресъ, 1969 г.

V. SOLONIJA: "Las Chispas de la Vida"
Parte I. — Cuentos de Africa

Ediciones: "El Verbo Ruso"
Impreso en los Talleres Gráficos "Dorrego" — Av. Dorrego 1102
Buenos Aires, Argentina

ОТЪ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Россійскій Имперскій Союзъ-Орденъ борется за возрожденіе Русскаго Православнаго Царства.

Одной изъ глубокихъ причинъ переживаемой нами катастрофы несомнѣнно являлось царившее въ русскомъ обществѣ убѣжденіе, что "заграницей все лучше". Отсюда шло наше увлеченіе Западомъ и идеями тамъ возникавшими.

Послѣ россійской катастрофы мы имѣли возможность на собственномъ опытѣ познать дѣйствительное положеніе дѣлъ въ странахъ Европы, Африки и Новаго Свѣта, и въ этомъ смыслѣ значительный интересъ представляетъ книга В. Солонихи "ИСКРЫ ЖИЗНИ", дающая правдивое описаніе положенія во французскихъ африканскихъ колоніяхъ въ періодъ между двумя міровыми войнами и дѣятельности въ нихъ русскихъ врачей служившихъ во французской администраціи.

Дикія демократическія фантазіи ,примѣнявшіеся администраціей колоній въ полудикихъ или совсѣмъ дикихъ странахъ, повсюду царившая безпринципность и жадная эксплуатація, заносчивость въ обращеніи съ населеніемъ при одновременной демагогіи, вполнѣ объясняютъ причины политическаго положенія сегодняшняго дня.

Но для насъ особенную цѣнность представляетъ описаніе дѣятельности русскихъ врачей, въ этой атмосферѣ погони за наживой представителей другихъ европейскихъ націй. Скромная и жертвенная служба **русскаго врача** какъ и **русскаго воина,** являетъ разительный примѣръ существеннаго различія между **Русскимъ** человѣкомъ и рѣшительно всѣми "знатными" иностранцами.

Горькій хлѣбъ чужбины, получаемый нами за тяжкій непропорціонально низко оплачиваемый трудъ, постоянное оскорбительное пренебреженіе къ намъ, причемъ мы еще обязаны безпрестанно и униженно "благодарить" за такъ называемый "любезный пріемъ" маложелательныхъ "иностранцевъ", дастъ Богъ научитъ насъ любить и помнить **свое, Русское Отечество и гордиться своимъ Русскимъ именемъ.**

Читая книгу "ИСКРЫ ЖИЗНИ", написанную легкимъ языкомъ и описывающую дѣйствительность, мы узнаемъ много

новаго и интереснаго. Первая часть книги посвящена Африкѣ, такой Африкѣ какой она дѣйствительно была въ описываемое время. Вторая часть касается жизни и дѣятельности русскихъ врачей въ этихъ мѣстахъ. Третья есть просто разсказы изъ жизни русскихъ эмигрантовъ.

Пользуясь любезнымъ разрѣшеніемъ автора и спеціально полученнымъ нами для этой цѣли пожертвованіемъ, мы рѣшили переиздать этотъ трудъ, раздѣливъ его на двѣ книги: отдѣльно первую часть, а части вторую и третью — во второй книжкѣ. Наше изданіе есть фотографія перваго изданія этой книги, а потому орѳографическія ошибки остались неисправленными, но мы надѣемся, что читатели простятъ намъ этотъ недочетъ. Весь чистый доходъ отъ изданія поступитъ на усиленіе Имперскаго Фонда, изъ котораго оплачивается дѣятельность Ордена.

Мы, русскіе люди, имѣемъ право гордиться нашими Русскими Врачами, повидимому единственными и по сей день выполняющими знаменитую Клятву Гиппократа. Мы видимъ и знаемъ **теперь,** что въ Русскомъ Православномъ Царствѣ дѣйствительность была **выше** и **лучше** чѣмъ гдѣ бы то ни было. Будемъ же бороться за возрожденіе Святой Руси изо всѣхъ нашихъ силъ!

Сор. Рук. Николай Сахновскій
Начальникъ Ордена

Буэносъ Айресъ, мартъ 1969 г.

ВВЕДЕНИЕ

Что город, то норов; что деревня, то обычай
(Русская пословица).

Искры от костра взлетают тысячами вверх, потом их делается все меньше и меньше и, постепенно остаются только единицы, но и они темнеют и исчезают навсегда. Так же и в человеческой памяти события дают свой отпечаток, но понемногу уходят вдаль и забываются. Пока не все еще ушло в вечность, автор и захотел представить вниманию читателя, то, что он видел и что большинству, наверное, будет ново, что он слышал и узнал и, что отметилось в его памяти.

Жизнь меняется и уходит — то, что казалось было незыблемым и навсегда установленным, меняется и видоизменяется. Те обычаи, о которых читатель прочтет, может уже не те, но все же интересно будет прочесть о них. Хороши ли они, или плохи — это другое дело и здесь касаться этого вопроса мы не будем. Эти рассказы только отчет о том, что было запечатлено в те времена. В русской литературе мало что было на эту тему. Она как то проскочила мимо. Мало было ее знавших и они не оставили следов по себе. Небольшую часть этой жизни и заполняют мои рассказы—отдельные картины.

Рассказы об Африке (первая часть книги) являются абсолютной правдой, виденной автором или услышанной от непосредственных свидетелей и участников действия их. Об Африке и ее народах, обычаях и верованиях можно писать тома и тома о каждом народе ее населяющем в отдельности и не исчерпать никогда эти поразительные явления тысячалетних религий и культур, таких особенных и стоящих в стороне от наших понятий. Множество из народов ее уже не существует, но они оставили нам много легенд, загадок и неясностей. Их прошлым живет и дышет настоящее этой огромной страны.

Сейчас идет коренная ломка всего, затронута и эта область. Как она будет глубоко задета и что это даст в будущем, конечно, никому не известно. Но ясно, что многое останется и выльется в особую форму и сильно различную от наших представлений. Взять, например, христианскую религию, которая совершенно иначе входит в черную голову и там усваивается и уживается, иногда совершенно причудливо со старыми верованиями. Если Сев. Америка могла создать больше 400 религиозных сект на христианской основе, то какое количество имеется у черных и каковы их различия и формы и принципы; кто может ответить на этот вопрос? Здесь мы касаемся тоже и того, что никогда черный полностью

не поймет белого, а белый черного. Все разумеется по другому и по другому же пути идет дальше.

Вопрос «демократических истин». Сколько раз я слышал от них. «Как же так — хотят, чтобы ноги управляли головой?! Но это же немыслимо!» Кто прав в одном и не прав в другом, покажет будущее.

Бред белых во многом тоже должен видоизмениться, и, даст Бог, к лучшему. В будущем мире будет место, в той или другой степени, и для черных и для других народов. «Болезни века сего» должны пройти и как жить без надежды на это?

Во второй части книги говорится о русских врачах. Может быть читатель задумается об этом и поймет, что еще много есть людей на свете, что служили человеку и исполняли взятый на себя долг. Никакой выгоды и богатства они не приобрели и постепенно уходят со сцены.

В третьей части идут рассказы, где есть много фантазии. Читателю представляется самому разобрать, где она. Это своего рода ребус. Но база этих рассказов все же сама действительность. Нужно только видеть и наблюдать, и все выходит на поверхность и становится на место. Рассказы эти написаны в разное время и в разных местах и связи между ними нет и сюда они вошли, как образчики разнообразной человеческой судьбы и неожиданных в ней превратностей.

Эта книжка первая. Если читателю она понравится, то появится, быть может, другая, но это зависит не от автора.

В конце второй мировой войны появилось много анекдотов и рассказов того или другого сорта. Запомнился один. Главари воюющих народов обратились к богине победы с просьбой помочь им. Она ответила, что победит тот, кто поймает маленькую золотую рыбку и бросила ее в глубокий и большой бассейн. Первому ее ловить выпало на долю Муссолини. Он надулся, прыгнул, нырял, пыхтел, но рыбки не поймал. Второй, был Гитлер — с тем же результатом. Третий — Черчиль. Он прыгать не стал, но позвал чехов, поляков, индусов, американцев и т. д. Каждому дал в руку по столовой ложке и приказал черпать воду. Англичане смотрели за правильностью работы и давали советы. Когда вода была вычерпана, Черчиль опустился и взял рыбку победы. Правда, потом из кармана у него ее украл «некто».

Так и в нашем деле с книжкой: — если все помогут, то выйдет и вторая, а самому бултыхаться в денежных затруднениях настоящих цен и эпохи невозможно и результаты будут плачевные.

Остается только ждать результатов.

Автор.

ШЕЗЛОНГ

Сделан был он на фабрике мебели г-на Пьера Дюпона вместе с сотнями других своих собратьев для больших магазинов и особенно для магазинов, торгующих вещами для колоний. Шезлонг был удобный, обыкновенной формы из крепкого материала с брезентом разных цветов и встретить подобных ему можно было во всех колониях и не только французских.

Стоял он прислоненный к стенке большого магазина на рю де Луа в славном городе Бордо. Магазин этот торговал с незапамятных времен только три, четыре дня в неделю, при отходе очередных пароходов в далекую Африку и другие заморские места. Пароход шел вдоль берега и заходил в порты, оставляя своих пассажиров, главным образом чиновников различных мест, докторов, администраторов, военных, плантаторов и проч. и проч. народ. В остальные дни в магазине почти никого не было. Только все готовилось и приготовлялось к новому наплыву публики. Клиенты были и новые, и старые и опытные чиновники, которые уже годами здесь покупали свои вещи, периодически появляясь каждые 2-3 года, перед своим отъездом на место новой службы. Торговля оживала в эти дни, за день перед отходом очередного пакебота, невероятно. Нанимались и особые служащие для этих горячих дней.

В магазине было все: складные кровати для турне (Пико) всех систем. Железные сундуки (кантины) всех размеров, качеств и цен. Некоторые из них были рассчитаны и на то, что можно было их бросать в воду, и белье в них не

намокало. Давались и гарантии, что ни термиты, ни муравьи, ни другие насекомые в них проникнуть не могут, как и сырость. Фильтры для воды, всех систем, мустикеры, колониальные шлемы—от размера для грудных младенцев и вплоть для голов гигантов, сделанные из пробки, какой то особой массы или фетра, нужного качества. Ружья всех марок, патроны для них, моторы для лодок и шаланд, костюмы цвета «каки» и белые для всех ростов, фасонов и качеств и проч. и проч. нужное для 2-3 лет жизни при всяких жарких и сырых или, наоборот, сухих климатах, в обширной Африке.

Обыкновенно эти вещи обратно не возвращались в Европу и, что уцелевало от переездов, краж и поломок при отъезде в отпуск в Европу, или дарилось (что редко) или продавалось на месте. При новой поездке, после отпуска, снова покупалось в тех же магазинах. Старым клиентам магазин давал и широкий кредит, что было очень удобно, протратившемуся в отпуске «колониальному бродяге».

Наш стул стоял не долго. Подошел очередной рейс и прибыл поездом большой гурт народа изо всех городов Франции. Все это шумело, торопилось завершить свои дела, как можно скорей, спорило и ругалось со своими женами и детьми и мужьями. Надо было получить авансы, документы, назначения. Накупить нужные вещи. Магазин должен был все упаковать, солидно и хорошо, т. к. отвечал за поломку всего и страховые компании шутить не любят. Ящики должны были выдерживать все — и падение с больших высот, при не особенно нежной погрузке. Тяжести, когда на них наваливали их собратьев без особого расчета и церемонии и всякие перепетии длинного пути.

Все это было испытано еще со времен, вероятно, постройки города. Он всегда вел заморскую торговлю и все жило на традициях и огромном опыте. Хлопот было множество всем и вся. К двум-трем часам гомон притихал — оставались самые опытные покупатели, которые ждали, чтобы схлынула первая волна и которые отлично знали, что без них все равно пароход не уйдет. Прошли и они.

Отправились посидеть в последний раз в ресторане,—хорошо поесть известной кухни Бордо, а, главное, попить его дивного и дешевого вина, славного уже веками. А на завтра погрузка с 8-ми часов утра, т. к. пароход отходит к 2-4 час. дня. Это зависило от прилива и отлива Жиронды.

Так вот, стул сразу понравился молодой чете, что первый раз ехала в колонии. Почему понравился он, а не другой, сказать трудно, вероятно, потому, что стоял не в первом ряду, а в 15-20-м. Надо было откинуть и переставить многие впереди стоящие стулья и, наконец, он появился. «Правда, какой хороший и удобный?», сказала жена К первому был подобран по цвету брезента в тон, и «братик». Были выбраны другие нужные и ненужные, по неопытности, вещи. Написаны наклейки, прилеплены на все, к чему можно было налепить и привязать, дано было магазину имя парохода (Фуко), заплачены покупки и чета отправилась в другой магазин за посудой и бельем.

Так, по традиции (им объяснили «старики») делали все. Там тоже все проделано было по обычаю, заплочено и довольные они отправились осматривать пароход, хоть издали. Это была громада, стоявшая в ряду других таких же гигантов. На него не пустили, но видно было, что все готовилось к рейду. Грузилось съестное и др. вещи и все в огромном количестве. Огромные

горы бочек, ящиков, всяких материалов лежало около парохода, подвозилось камионами и вагонами и постепенно исчезало в трюмах. Было просто удивительно, куда это все могло войти.

Полюбовавшись на все, отправились писать карточки родным и знакомым и, главное поесть в отеле, в котором жили (отель Пиринеев). Попробовали все деликатессы, начиная от устриц, лягушек и улиток «а ля Бордо», рыбу («соль») опять таки «а ля Бордо», креветки, омара «а ля Арморикен» и т. д. Отдали нужную дань и вину и «нагрузившись» пошли спать, прося хозяина разбудить в пол седьмого и приготовить счет. Хозяин отеля только смеялся. Он отлично знал, что клиенты встанут сами и еще раньше срока.

Погрузка прошла нормальным способом. Пришлось искать сперва все вещи в груде нескольких метров вышины ящиков всех размеров и тяжестей. Было взято 2 здоровых дядей-грузчиков, опытного вида носильщиков, с огромными бляхами с номерами на груди. Эти, считалось, были неспособны ничего украсть или заложить в сторону, что было очень легко при такой сутолке.

Находилась вещь по надписям, а иногда по интуиции, и неслась в один и тот же угол. Когда все было собрано и проверено по номерам, что ничего не потерялось, надо было все взвесить и для этого стать в очередь. Получены были квитанции, распределено, что куда должно было идти: одно в каюту, другое в трюм, для пользования в дороге, третье до конца путешествия в трюм № 3.

Проверены опять наклейки с именами и, вдруг, хватились, а где же шезлонги? Пришлось снова искать, бегать в толпе народа, тянувшего или искавшего свои вещи, со своими носильщиками, пассажирами. Стульев нигде не было. По-

степенно выяснилось, что стулья отдельной погрузкой, уже накануне, попали на пароход. Надо было найти их уже только там, среди сотен пяти-шести подобных. Влезли на пароход и выяснилось, что уже 3 часа и что через час назначен отход.

Загудели гудки катеров, парохода и тронулись в путь.

Каюта на двоих казалась прекрасной и все было новым, блестящим и шикарным. Все немедленно было осмотрено. Указанные вещи были расставлены аккуратно на кроватях и полу и все было в порядке. Утром найден был и стул, а «братик» куда то пропал. Он с самого начала имел свой характер независимый и имел склонность к исчезновению, что его и погубило позже. Но начали они оба свою службу исправно. Все свободное время на них (а свободного времени было 24 часа в сутки) сидели на палубе и болтали или спали. Так шло до самого Дакара.

Здесь все было выгружено на набережную. Муж побежал в бюро за новыми бумагами, т. к. за день до прихода в Дакар, выяснилось по телеграмме, что он назначен в колонию Слонового Берега. Жена же осталась на набережной и занялась поисками вещей по системе уже испробованной в Бордо. Помогали ей в этом уже 2 черных грузчика в рваных хламидах и зверского, казалось, вида. Было много легче этот раз, т. к. большая часть вещей тут же уносилась в таможню своими хозяевами для контроля. Эти выгружались здесь, много ехало дальше поездом в Судан. Крик и сутолка были больше, чем в Бордо.

Прибежал муж и все снова регистрировалось, записывалось, взвешивалось и грузилось. Тут то и обнаружился скверный характер «братика». Он снова исчез и исчез основательно. По совету старых путешественников, сделано было заявление

о его пропаже. Указана фамилия, чин и колония назначения. Пришлось уезжать без него. Другой «хорошенький» верно служил еще дальше до «Порта Буэ» (порт столицы Абиджана).

Здесь дело было сложней. Его сперва выгрузили лебедкой со всем другим багажом, положив 2-3 тонны других вещей и ящиков всякого вида в сетке в большую баржу с парохода. Баржа прыгала на волнах. Сеть опустилась рядом и он сильно выкупался, но был вытащен вместе с другими вещами. Из баржи, по прибытии к пристани стул был вытащен и, на удивление хозяев, никаких повреждений на себя не принял. Материал оказался добрый и прочный. Потом он ехал поездом-кукушкой до столицы (Абиджана), которая тогда была в полной стройке. Вещи были свалены, за неимением амбаров, просто под открытым небом и прикрыты брезентами. Оказывается такой способ не грозил ничем. С ручным багажом пошли в отель, где сразу погрузились в усиленное потение под действием сырого и жаркого климата Слонового Берега.

Утром выяснилось, что назначены за 600 километров от города в маленький городок. Случайный автомобиль администратора отходил через день рано утром. Вещи же пришлось оставить и передать квитанции от них «курьеру». Этот камион ходил раз в неделю между столицей и местечком и доходил «по способности», когда мог и когда позволяла дорога и погода (дожди). Брал он грузы и пассажиров, а, главное, почту.

Ничего не оставалось делать, как согласиться на эти условия и налегке поехали. Только через месяц дошли вещи и в полной сохранности, а «братик», на удивление всех, пришел только через три месяца и с тем же «курьером». Он успел побывать в Судане, вернулся обратно в Дакар и

послан был по назначению. Был слегка потрепан и за это выкрашен в зеленый цвет. За блудливый характер был оставлен дома. Другой же «хорошенький» принялся путешествовать. Как только он это не делал! Он ездил в автомобилях, грузовичках, носился в разных обществах (горшков, посуды, ящиков с фруктами, с убитой дичью и проч.), на головах женщин, детей, мужчин. Мок под дождями и ливнями. Грелся и пекся на жарком солнце. Купался в реках и болотах. Раз его чуть не затоптал влюбленный, озверевший слон. Выскочил он из леса (бруссы) и, пронесшись грозой по улице негритянской деревни, сорвал пару соломенных крыш и умчался снова в лес. Следы его ног были потом обнаружены рядом со стулом. Но ему еще рано было сойти с жизненной сцены.

Присутствовал он при осмотре больных, при операциях. Бывал в лагерях прокаженных. Бывал на охоте на гиппопотамов, антилоп, рыбной ловле. Раз на нем переночевала большая кобра (найа) и утром лениво уползла снова в траву. Один раз из под него, во мгновение ока, была утащена собака одного плантатора пантерой. Произошло все так быстро и незаметно, что только следы и кровь указывали на драму. Все произошло в пяти метрах от дома.

Но стул держался и честно служил. Присутствовал при смерти от желтой лихорадки одного чиновника и прошел с ним от начала до конца все переживания и горе родных и потом попал в карантин с женой умершего. Видел и другие смерти. Употребляли его и как носилки, привязав бамбуковые жерди к сторонам для переноса больных.

Всего не перечесть, что он видел и мог бы рассказать. Вид его уже не был давно такой «хорошенький», но он незаменим был, как и рань-

ше. Брезент его давно порвался и был заменен, специально связанным по мерке неграми, гамаком из волокон необычайной крепости, что употребляется для сетей при ловле диких кабанов (факошеров), доходящих до 100-200 кл веса. Вышло даже лучше, т. к. не было так жарко на нем сидеть.

«Братик» тоже получил такую же обновку. Вероятно из-за этого, а может по старой привычке, вернувшей его снова к бродяжничеству, он исчез с веранды дома, украденный ночью вместе с маленьким, негритянским, резным столиком подставкой и судьба его стала неизвестной. Хозяин очень горевал о столике, т. к. он был сверху обтянут кожей ламантина (сирены — особого тюленя теплых стран). Толстая желатинистая кожа, высушенная на солнце на столике же приняла его форму. Обитая гвоздичками и полакированная имела особый желтоватый цвет с особым рисунком.

Второго такого столика не удавалось больше приобрести.

Но пришло время и «хорошенькому» расстаться с хозяевами. Подошел отпуск. Стул был подарен повару-бою Муссе Сиссоко. Это был старик, проведший бурную молодость в войсках генерала Федерба, с которым покорял Судан и воевал с Еладжи Омаром. Присутствовал и при его пленении. Слышал и гордый и мудрый ответ его на вопрос генерала: как смог он так долго укрываться от погони и знать его, генерала планы? Ответ был: «Я всегда ел один, а не, как вы, белые, вместе, да еще в присутствии боев и денщиков. А у них языки длинные».

Там же в армии старик научился поварскому искусству. Теперь от одного белого к другому докатился он и сюда. Все его удостоверения были его личными, а не одолженными у других

боев, временно, для поступления на место, как это обыкновенно практиковалось. Был он «марабу-коньяк», т. е. мусульманин, но «в меру пьющий». На редкость для черного повара честный и хороший человек. Стул получил он в награду за свою «верную службу» в его полную собственность. Были и другие дары, но этот был особенно кстати. Как все старики, он страдал ревматизмом и вытянуться после работы на нем перед вечерним огоньком было для него полно блаженства.

Но старику не повезло. С присущей черным беспечностью, он забыл его на ночь перед домом (казой). В ту же ночь стул исчез. Утащил его шофер и умчался с грузом какао и кофе за 600 километров. Там стул опять был украден. И так было несколько раз, и тогда его дерево красилось, для заметания следов. Старый хозяин вряд ли бы его узнал теперь, разве по стертому месту, получившемуся от точки клыков ручного кабана Ипполита в 120 кл веса. Принадлежал этот кабан (факошер) судье и жил в судебном зале. Добродушный Ипполит, чесавшись, поломал все двери и однажды, отправился гулять к реке и валяться в грязи. По дороге встретил стул и оставил на нем свою метку. Кабан присутствовал, скрываясь от жары в прохладном зале, на произношении всех приговоров и сам в конце концов, за многие пакости и шкоды, был приговорен к смерти и печально кончил свою жизнь, появившись на столе ввиде окороков, колбас, жаркого и проч. еды.

Не повезло, почти одновременно, и его другу, ходившему тоже на свободе—большому страусу. Он сунул из любопытства свою голову в клетку ручного льва, а тот, играя, ударом лапы, оторвал ее. Тело еще сделало несколько кругов по двору без головы и пошло тоже в распоряжение

повара. В желудке страуса было найдено много пропавших вещей, как то ложек, шариков от подшипников, маленьких солонок, рюмок и проч. вещей. Все это привело в восторг боев, т. к. служило доказательством их честности. После пропажи хозяином они все были объявлены ворами. Конечно, полученных пощечин при разговорах на эту тему исчезновений, вернуть было уже нельзя.

Очередной шофер, новый хозяин стула, перевозил хлопок и желающих покататься негров, пока у тех хватит денег и все равно в какую сторону. Путешествующие были обязаны также грузить и разгружать товары и помогать в поездках — ясно, что бесплатно. Ведь это делалось ради удовольствия. Негров много, а камионов так мало и так приятно посмотреть на большой свет, когда это позволяет отсутствие пыли. А быстрота, с которой мчится автомобиль! А смена впечатлений!

Но один пассажир был парень не промах, и ночью он исчез, унося на память о поездке для себя стул. Бывает это и в Европе, но там уносят ложечки, или пепельницы из отелей. Здесь их не было. Стул начал путешествовать на головах у новых владельцев. Отмахал километров 70 в сторону от дороги в лес и попал в другую колонию. Здесь он, предприимчивым вором был честно обменен на старый велосипед, правда, без переднего колеса, и, вероятно, такого же происхождения. Велосипед попал на голову жены, рядом с другими пожитками. Это было очень удобно и полезно, т. к. привязанный к спине матери младенец, мог уже изучать, без помехи, машины белых и лизать, от скуки резину шины. Муж — хозяин покупки шел порожняком и болтал с попутчиками.

Стул же пустился в дальнейшие приключения. Он попал снова на Слоновый Берег. В глу-

хой, в трудно достигаемой деревне, в лесу, он попал к шефу деревни и главному жрецу-колдуну округа. Попал он простым путем к нему. Просто было заявлено, что стул жрецу нравится и что место его у него. С радостью стул был передан, да еще и с благодарностью, что не было потребовано ничего другого. Здесь перед стулом открылся новый мир.

Шеф округа был не простой знахарь, которых имеются тысячи, а один из высших особ этого рода. Пройдя тяжелую жизнь ученика с малых лет, посвященный уже по своему рождению к высшей касте жрецов, новый хозяин стула прошел все искушения и градусы.

Испытанный огнем, железом, болью голодом и прочими пытками он привык переносить все и хранить секреты. Воспитавши свою волю до точности остро отточенного ножа, он не имел соперников. Силой взгляда мог передвигать шарик из корналина по доске в любом направлении. Добиться этого стоило ему много труда и напряжения.

Соперники его мало по малу обходились, где интригой, где превосходством и знаниями, где ядом, как бывает во всех слоях общества. Знания его были поразительны, особенно в ботанике, человеческих слабостях и характерах. Знание гипноза и внушения были колоссальны, память невероятна.

Все это создавало ему огромный авторитет у подвластного населения и безграничную власть, какой не обладал ни один монарх в мире. Достаточно было одного слова или намека и все беспрекословно исполнялось.

Сидя на полюбившемся ему стуле, он совершал гадания по следам, оставленным на песке пауками или ящерицами. По раскинутым палочкам священного дерева, по следам шакалов на

песке, по полету птиц и огромных жуков — Голиафов. По внутренностям коз, кур и других животных. Предсказания его всегда исполнялись. Он присутствовал на священных танцах девушек, перед ритуалом их обрезания, когда выкрашенные в белую краску — белой глиной, знаком потустороннего мира, они после обряда делались настоящими женщинами, которые могут быть выданы замуж, — тогда только глина смывалась. Стул присутствовал на заседаниях других орденов, величайшей тайности — братьев змей, летучих мышей, пантер и других, т. к. шеф его был начальником их всех.

Сидя на стуле, начальник произносил заклинания и утверждал законы и накладывал «табу». Карал и миловал и назначал наказания. Назначал проверку подозрительных людей и женщин — не были ли это только дьяволы, принявшие вид своих жертв. Их обнаруживание и изгнание или убийство можно было совершать только в его присутствии.

Делалось это просто. Обвиняемый мужем, женой, соседями, родными должен был явиться с корой дерева ТАЛИ. Она варилась и остывший напиток выпивался в присутствии всех. Так как яд был смертелен только для дьявола, то он и умирал часов через 3-4, тут же на месте. НЕ ДЬЯВОЛ оставался жив и шел домой, а за напрасное подозрение ему передавали деньги или вещи взятые от обвинителя. Начальник ошибся только раз, когда обвинили его дальнюю родственницу, она выпила и осталась жива. Но стул видел, что до этого она пила настой, который ей тайно дал шеф. Вообще же колдун изгнал бесов более чем из 240 человек. Точной цифры он и сам не знал.

Был он и шефом клана медиков. Лечил, главным образом, травами и настоями из них, делал

даже операции и зашивал, когда надо было, раны желудка и кишек больных, одурманенных перед операцией какими то снадобьями. Швы накладывались тогда при помощи особых больших муравьев. Раскрытые клещи их прикладывались к обоим сдвинутым краям раны. Клещи сжимались и голова муравья отделялась ногтем от тела. Такие скобки оставались внутри и медленно потом рассасывались. Операция делалась в присутствии особого помощника, который обладал даром «останавливать кровь». При разрезах, под его взглядом, ни капли крови не выступало. Так оперировали в древнем Египте и в других древних странах.

С виду же колдун был как и все негры и, видя его, никто бы не подумал о его власти. Для разговоров с белыми и администрацией, для их приказаний и принятия наказания от них и побоев, существовало другое лицо. Но только для этого. Вероятно французская администрация даже и не подозревала о существовании другого, тайного начальства. Оно было ультра-секретно. Да и как мог он, Лумба («Великий Питон»), получать от кого бы ни было приказания и распоряжения? Он мог их только отдавать и даже не нуждался потом в проверке. Он, который посрамил публично миссионера, отца Бернарда, в споре о могуществе обоих и вере их! Отец Бернард, брат известного хирурга и другого, тоже известного профессора юриста, по призванию пошел в «дикую Африку» просвещать и распространять Евангелие среди негров. Он изучал главные языки колонии и, продвигаясь с одним только «преданным боем»-послушником, дошел до деревни Лумба. Ободранный, грязный и голодный, попросил крова и пищи. Об этом было доложено во время и этот белый отец заинтересовал Лумбу. Разговор шел на разные темы и перешел на чудеса.

«А можешь ли ты совершить какое либо из них?»

«Да, если Бог этого захочет» — ответил миссионер.

«Так попроси Его!»

«А можешь ли ты приказать Тукану (птице с длинным клювом), что сидит там на дереве, слететь и сесть к тебе на плечо?»

«Их там четыре — какого ты хочешь, укажи!»

«Нет, не могу».

«А можешь ли ты разрезать ногу любой из этих женщин и снова срастить рану?»

«Нет, не могу».

«Так засуши любое из этих деревьев, что стоят здесь вокруг деревни».

«Этого я не могу всего сделать, как не можешь и ты!»

«Ты ошибаешься. Выбери любое».

Отец указал, почувствовав особенность момента, на одно, имевшее много столетий, большое дерево в полной силе, стоящее рядом.

Рабочие немедленно очистили мачетами площадку вокруг него. Шеф поднялся и как то преобразился и, не называя себя, без особой церемонии стал обходить дерево, говоря слова заклинаний на непонятном языке и протягивая руки.

«Садись теперь и жди. Ты будешь видеть, как листья начнут падать и дерево навсегда засохнет». Что и случилось к огромному удивлению отца Бернарда.

«Теперь укажи мне какого Тукана ты хочешь. Их там теперь пять».

«Вот этого, второго слева».

Через пять минут Тукан забеспокоился и слетел и сел отцу Бернарду на плечо. Лумба только все время смотрел как то упорно на него.

«Женщина, подойди сюда!» Она подошла без боязни и ей даже в голову не пришло ос-

лушаться. Ножом, отточенным, как бритва, он хватил по бедру и сделал разрез сантиметров 15 и глубиной до кости, что была видна в глубине. Ни одной капли крови не показалось в ране.

«Видел ли ты это? А теперь смотри!» И сжав ладонями рану с обоих сторон, колдун прижал края ее и придержал их минут 10. Когда он отпустил руки можно было видеть сросшуюся рану, с едва заметным розовым шрамом. Женщина встала, без всякой боли и пошла. Стоявшие кругом черные не выссказывали никакого удивления и смотрели на все, как на самую обыкновенную вещь.

«За твое неверие и беспомощность я тебя наказываю. Сейчас, как ты знаешь, период когда дожди не идут, но ты будешь мокрым всю дорогу до следующей деревни, как только выйдешь за околицу нашей. Когда ты уйдешь, это не важно, но будешь мокрым».

И слова колдуна исполнились. Дождь лил как из ведра, все 75 километров и кончился только тогда, когда отец Бернард подошел к забору следующей деревни. Лумба был начальником «клана хозяев дождя» и имел жезл предков, для вызывания его в любое время и любой силы. Кто же знал больше и кто был могущественней ?!..

У Лумбы было много других жилищ в лесах и горах, на много километров один от другого. Были и тайные пещеры для медитации, для тайных собраний посвященных. В некоторые места появлялся он один в страшной тайне, в другие шел с большой помпой и торжеством и во всей своей славе. Разодетый богато и покрытый всякими знаками своего великого достоинства. О его приходе тогда священные барабаны (там-тамы) сообщали задолго всем, кому надо было знать, о дне торжества.

Этих звуковых телеграфов, старейших, вероятно, в мире, было несколько сортов. Были боль-

шие колоды, пустые внутри, подвешенные на деревьях в секретных местах и звучащие глухо и зловеще. На них отбивались нужные сведения жуткого характера. Были там-тамы для общих, банальных разговоров, попроще, между деревнями. Были разные шифры и их понимали только избранные люди. Были шифры и особо важные. Были и огромные там-тамы, поставленные в пещерах с искуссно направленным выходом в определенном направлении. Километров в 10-15-ти от первого был так же устроен такой же огромный там-там ему в унисон. На этом втором, на натянутой коже лежали «говорящие камни». Когда в определенное время — главным образом ночью, из-за тишины и безветрия, били особым образом и шифром по там-таму, камни на втором начинали подпрыгивать в такт ударам первого. Их ритм и передавал нужные сведения. Даже в сотни метров от такой станции ничего не было слышно, а за 10 километров получалась весть. С одного конца Африки на другой за 3-4 часа.

Но были и другие способы сообщения: гонцы бежали и передавали новость или приказание один другому. Так можно было передавать весть свободно на расстояние до 150 километров в сутки. Был и телепатический способ, когда один ясновидящий передавал, после большой тренировки, во сне-экстазе другому собрату свои нужные сведения. Им же поручено было наблюдать и за охотниками и указывать, куда посылать носильщиков и сколько людей за убитым зверем. Обо всем этом мог бы сообщить стул, если бы мог говорить.

Когда же его брали в далекие горы за границу в леса Либерии (ведь эти границы белых, черных не касались), то попадал он в трудно достигаемые пещеры известные только самым

высшим особам. Там в глубине, в полной тишине, творились обряды и ритуалы древнейших религий, на много тысячелетий старше христианской, мусульманской и будистской религий, вместе взятых. Начало их было с началом человечества. Во всяком случае, ритуальные маски и раскраска их, полностью совпадали во многом с рисунками и изображениями тысячами нарисованными в пещерах и на скалах Хогара-Тассили. А им насчитывают древнейшим 10-15 тысяч лет. Есть и моложе, но не меньше 4-6 т. лет. А сколько тысяч лет прошло пока зародились эти рисунки и идеи и вылились в эту форму — никто не скажет?

В этих пещерах обсуждались общие дела, касающиеся их народов, вырабатывалась программа на будущее, приносились жертвоприношения, часто человеческие, для чего надо было доставать и очередные жертвы. Иногда их приносили, избранные люди-пантеры, за сотни километров в одурманенном виде. Их свежей кровью наполнялись священные тазы и на них угадывалось и виделось будущее. Один из таких тазов из Дагомеи имеется в Лондонском Нац. Музее.

Посвящались люди и им приказывалось быть пантерой и наводить по ночам ужас на население и, когда надо, карать. Или внушалось быть им другим каким либо зверем. На них имелись тогда шкуры зверя с приделанными железными когтями, которыми делались такие же раны на шее и теле, как делал настоящий зверь. Другие посвящались в змей и им наносились ритуальные порезы, куда втирались особые, сложные лекарства и снадобья, которые делали их невосприимчивыми к любому змеиному яду. Они брали потом змей просто рукой за шею и клали в корзинку или мешок. Убивать змей строго запрещалось — ведь они были их братья и носили

те же имена: Кобра, Пятнистый Уж, Боа, Коралловая Змея и т. д.

Пещеры были разные, с отделениями для всего. В одних лежали огромные, тяжелые браслеты для ног и для рук. Раньше они представляли огромные ценности. Серебрянные и золотые монеты всех времен и стран, ссыпаны были просто в кучи по углам. Никаких замков и засовов не было—все сохранялось страхом и страшными заклятиями. Все хранилось с давних времен, когда свои и пленники продавались и только на звонкую монету, в рабство и развозились по всему свету со своими верованиями и обычаями. Вся Америка полна черными этого происхождения.

Тут лежала и военная добыча. Груды слоновой кости навалены были в другом месте. На одних клыках были вырезаны рисунки и сделаны амулеты (гри-гри, фетиши) всех сортов. Другие просто так лежали в перемешку не обработанные. Некоторые клыки, самок, из-за лучшего их звучания, превращенные в трубы (Легре), отполированные столетиями, ношением и трением их о потные тела и имевшие цвет темно-коричневого янтаря. Служили они для созыва народов и прославления шефов.

Были и груды янтаря, иногда огромными кусками и разных цветов. Были из него сделаны причудливые и странные статуетки и фигурки. Янтарь страшно ценится по всей Африке и сейчас и имеет мистическое и целебное значение. Какими таинственными путями он попал сюда из далекого Балтийского моря — никто сказать не может. Между ними были и груды бус, еще финикийской выделки, доставленные сюда караванами за проданных рабов и слоновую кость, вероятно, еще во времена фараонов. В поисках за этими бусами даже отправлялись специальные

экспедиции научными и другими обществами, для раскрытия секрета их выделки и состава. Были фетиши из золота и серебра и бронзы.

Были маски предков, были и их черепа, высушенные и закопченые. Были горы ракушек («кари»), что служили раньше как деньги и также для украшения, еще и теперь из них делаются разные узоры на платье и масках. Были горы особых браслет, определенной формы, которые тоже служили раньше деньгами.

Да разве все можно было перечесть? Да, и сколько столетий все это собиралось и было принесено сюда? Недалеко в особой хижине жил священный Питон, колоссальной величины и большого возраста—дух предка-основателя рода был в нем. При нем состоял и особый штат для его кормления и охраны. В естественном бассейне под горой жил «дедушка племени» — их тотем, огромный крокодил. Он вылезал из своей щели на зов, для кормежки, а иногда и для пожирания очередной жертвы—по соответственному приговору и за особые дела и преступления против обычаев и народа.

В другой же пещере, после обсуждения и приговора, составлялся особый круг — то что белые называют «психо-телепатическим элементом». Натренированные, избранные, наделенные природой особыми качествами люди, берут себя за руки и думают сосредоточенно об одном и том же, или об одной и той же идее. Начальник их, имея кусок глины или воска, ввиде человеческой фигурки в высший, нужный момент протыкает фигуру иглой или гвоздем в область сердца или другого какого нибудь места. В глине вдавлены кусочки ногтей или немного волос жертвы или что либо из носимого ею белья. По странному совпадению в тот же момент нужное, указанное лицо умирает от «разрыва сердца» и это за много

километров от места заклинания. Так был наказан один администратор, за свою жадность и несправедливость. Другой погиб, когда ему внушили свернуть с дороги со своим автомобилем и налететь на дерево.

В особой пещере приготовлялись различные напитки, лекарства и яды для стрел. Все это требовало, доведенного до крайнего совершенства, знания ботаники и природы. Европейским ученым было очень далеко до них. Все хранилось в страшной тайне. Были известные лекарства, могущие дать любой симптом болезни человека и в определенное заранее, желаемое время. Никакой анализ доказать ничего не мог. Было доказуемо, что это часто алкалоид, но неизвестного типа, как писалось в отчетах институтов. Обыкновенно же никаких следов не обнаруживалось. Люди могли становиться сумасшедшими, на определенный срок или на всю жизнь. Терять большие пальцы только рук (Корень дерева кайседра), или только ног. Вываливались зубы и, если надо было, отсыхала рука. Женщины становились бесплодными. Отец Бернард видел мужчину, у которого от укуса змеи умерла жена, оставив маленького ребенка. После выпитого «лекарства», по его просьбе, приготовленного знахарем, постепенно появилось у него молоко и он выкормил ребенка грудью. После другого «напитка», когда миновала надобность, все кончилось и пришло в нормальный вид. Тоже произошло с одной старухой 60 лет.

В других местах делались детям в определенный срок ритуальные надрезы на коже лица и тела. Они делались, как отличительный знак племени одного навсегда установленного рисунка, а другие, на теле могли варировать и видоизменялись по капризу «художника». Рисунки были иногда очень сложными и требовали много не-

дель работы. В ранки втирались мази и пепел, чтобы задержать заживление и тем делать рисунок более заметным. Делалась и татуировка губ, тела и лица — все тоже религиозно-ритуального значения. Другие знаки служили для охраны от злых духов и «дурного глаза».

Совершались здесь же и ослепление за долги. Черный ручался, что заплатит например другому долг, или сделает то или другое, а если не выполнит своего слова, то в залог ставит свой глаз. Если в указанный срок он не совершал обещанное, то в глаз, при особой церемонии, сыпался особый порошок и он слеп.

Были пещеры, где делались только маски для священных и бытовых обрядов. В других жили ученые и будущие лекари и т. д.

Дела было много и, хотя всюду приставлены были верные и надежные люди, но хозяйский глаз был нужен всюду и всегда. Возникали те или другие вопросы и они урегулировались. Главная цель всего действия: страха, тайны, угроз была в том, чтобы сохранить древние знания, как это было, скажем, у египетских жрецов. Такие обширные и опасные знания нельзя было доверять каждому, а только избранному и особенному классу. Нужно было сохранить от чужого влияния расу, ее обычаи и тем самым показать ее превосходство над другими. Таким образом, народ был крепко спаян и за тысячелетия уцелел и сохранился. Цель была достигнута и поддерживалась дальше. Помогал в сохранении много и лес, который был кормильцем и надежным укрытием во времена вторжения чужих и грозящей гибели. Установленная иерархия была незыблема.

Отец Бернард, близко столкнувшись с этим новым для него миром и пораженный видимым и непонятным, часто, взглядом на вещи, что тво-

рилось вокруг него, черезчур много начал интересоваться «делами черных» и потому, после предупреждений, разными способами, что этого не следует делать и видя их безрезультатность, было решено, старшинами черных его удалить. Ему была дана особая порция — не смертельная — в пище, его же «верным боем», толченых, мелко нарезанных усов пантеры в рисе. Пройдя в кишечник волосы вызвали мелкие язвы и с симптомами дизентерии, отец Бернард был отправлен в госпиталь, а потом в Европу. Там он долго лечился и еле выжил.

Для такой же цели может служить и край бамбукового листа, вернее, его мелкие колючки, что имеются в большом количестве на этих местах.

Но всего разнообразия способов нельзя было и знать, т. к. они менялись с личностями их применявшими. Как один европейский хирург признавал один способ, а другой следующий. Результаты же были хороши у обоих. Так было и здесь—закон творчества был один для всех. Важны результаты, а они были прекрасны и много раз проверены.

Но все на свете рождается и умирает. Каждой истории жизни приходит конец. Пришел конец и стулу, правда, сперва частично. Во время пожара, возникшего по неосторожности в одной из хижин, где стул временно задержался, он сгорел. Черный слуга, что приставлен был к нему и за него был ответственен, был наказан и сильно выпорот и послан на другую работу. Хижину сразу же восстановили, а также нашли железные части от стула. Они потом были искуссно сварены опытным кузнецом и из них был сделан наконечник для стрелы-копья. Смазанная особым ядом, вредным для животного, но не для людей, т. к. вещества его при варке мяса делались

безвредными, была она выстрелена, подползшим охотником в живот слону. Через несколько минут он свалился, а еще через несколько часов, носильщики, посланные придворным ясновидящим, и все свободное население явилось на дележку мяса. После определенных танцев, песен и заклинаний и прощения у духа слона за его убийство, начинался дележ туши. Это верно так же делалось еще с мамонтами и другими доисторическими животными. Часть получало высшее начальство — печень, сердце, мозг (быть смелым, умным, здоровым). Потом шли другие лица и их части, доходило и до обычных людей. Опьянев от запаха еды, пальмового вина и всеобщей экзальтации, люди залезали вглубь туши, натирались жиром и кровью. Ели и сырое мясо и тут же поблизости разводились костры — готовилось мясо впрок—коптилось и завязывалось в корзинки, что плелись тут же из пальмовых листьев.

Вонь стояла невероятная и на километры тянулся резкий запах. Поевшего этого мяса можно было узнать по запаху еще неделю спустя, так сильно пах от него человек. Были смертельные случаи от объядения, но, правда, редко. Принимались меры против этого — жены катали животом вниз своих мужей по земле, чтобы те избежали заворота кишек. Пальмовое вино тоже этому способствовало. Назначалась особая стража, чтобы следить за порядком.

Когда все было приготовлено, упаковано и погружено на головы жен и детей, все направлялись домой. Ни одна часть слона: кожа, кости, мясо, кишки не пропадала. Все шло в ход и съедалось постепенно до последней крохи. Когда люди ушли с пиршества, на поляну спустились с деревьев коршуны, марабу, ястреба. Они уже давно собрались на верхушках ветвей и своими криками дополняли картину пира. Теперь пришел

их черед подбирать остатки всего. Но для этого пришлось вступить в бой с шакалами, гиенами и прочим зверьем, вылезшим из леса. В последнюю очередь пришли муравьи и подчистили все. Через неделю на месте абсолютно было невозможно ничего увидать и узнать о прошедшей драме.

Наконечник стрелы служил много раз, пока однажды, неудачный выстрел в трудных условиях только разозлил слона и он, бросившись назад, на звук, не растоптал охотника, а стрелу случайно, глубоко втоптал в землю. Она так и не была найдена. На этом окончательно все и кончилось для шезлонга.

ДВА БРАТА

Это были два брата-близнеца. Отвоевав и демобилизовавшись они вернулись домой. Родная деревушка средней Франции встретила их не особенно ласково. Дома, полного братьями и сестрами большой семьи, им было мало что делать. В деревне работы им тоже не нашлось. Надо было искать работу где нибудь в другом месте. Попробовав одно-другое, они случайно встретили своего старого знакомого по полку, который предложил им устроить их, если хотят, на место в колонию в западной французской Африке. Там работы, мол, хватает на всех и люди нужны. Вы быстро составите состояние и откроете свое дело. Все это давно уже всем известно — жалко здесь на месте пропадать зря.

Думали-гадали и решили попробовать. Ехать на свой счет было невозможно, т. к. для этого надо было иметь довольно большой капитал, а этого у них не было. Дорога туда, залог на до-

рогу обратно. Администрация не пускала в Африку как попало, надо было оставлять определенный взнос, достаточный для возвращения и на случай болезни. Каждая колония имела свой тариф. Потом нужны были деньги для начала дела на первое время. Для плантации кофе и какао надо было считать не меньше чем 5-7 лет, смотря по хорошим или плохим годам, пока плантация начнет оплачиваться и давать доход. Все это, взятое вместе, представлало невозможным ехать на свой счет.

Пришлось избрать другой способ. Обыкновенно так и поступали все. Делался контракт, с правом возобновления, на 2 года, с какой либо фирмой, или плантацией, или администрацией и, присмотревшись на месте и набравшись опыта в том или другом деле, года через 2-4, начинать было возможно свое предприятие.

Один из братьев, Пьер, поступил служащим в одну огромную компанию Слонового Берега, имевшую сотни и сотни гектаров плантаций кофе и какао на полном ходу. Предполагалось увеличить их еще больше. Нуждались в людях и искали их. Условия казались очень подходящими и Пьер подписал их с первым же пароходом отправился на место. Три недели пути прошли как сон. Все было ново, интересно, захватывающе. Аванс, полученный по контракту, позволил вести себя свободно и независимо. Правда, виски и карточная игра на пароходе и прогулки на берегу при остановках, много вытрусили, но о чем же беспокоиться, когда едешь на все готовое и в первый раз? Нужно было посмотреть все и все попробовать!

В Дакаре было еще хорошо — холодно, дело было зимой, но в Конакри, стало сразу иначе. Белье и платье стало мокрым от постоянной жары и пить все время хотелось больше и больше.

Бар на пароходе был всегда переполнен. Делали это, главным образом, новички или «пьяницы». «Старые колониальцы» знали, что чем больше пьешь, тем больше хочется. Надо пить в меру, а главное, привыкать и терпеть.

В Порт-Буэ его встретили, отвезли в Бенжервиль (тогда он был столицей колонии — позже он стал Абиджан). В столице все формальности быстро кончились и он был отправлен на свою плантацию. Плантации, правда, еще не существовало. Была только земля с многовековым лесом и зарослями, полными всякого зверья. Эта земля была сдана в аренду обществу на 100 лет в эксплоатацию для устройства плантаций и всего нужного для производства.

Платилось за это какие то гроши налога в год. Место выбирали специалисты разведчики агрономы, бывшие на службе у компании и, после обсуждения, принимались соответственные меры. Выбиралось место под административные здания и жилища. Для этого тоже надо было иметь опыт. Река не должна была быть и не далеко и не близко, а так, чтобы например муха це-це (разносящая сонную болезнь) не могла с нее залетать. Вода же нужна была на все — еду, промывку кофе, какао, для огородов и проч. Было много и других требований и все сказывалось потом, если не было хорошо продумано и учтено.

Сперва же нужно было достать рабочих. Это было самое трудное. Пьер ничего не понимал во всем этом и поэтому был назначен, как помощник одного старого служащего, опытного плантатора, но полнейшего пьяницы. Это и была причина почему тот так долго служил и не выбивался «на свои ноги». Вечно был без денег и даже не пользовался отпусками в Европу, а просил эти деньги отдавать ему. Допивался иногда до бредового состояния и бегал за черными с ру-

жьем, говоря, что охотится на обезьян. Избивал всех попадавших ему под руку чем попало. В эти моменты плантация опустевала, пока не кончался запас вина и алкоголя и запой не проходил. В остальном же человек был не плохой и хороший товарищ.

Попал Пьер в дремучий лес, в маленький шалаш, который прикрыт был пальмовыми листьями. Было и то уже хорошо, что не текло, а дожди лили часто. Еды хватало, т. к. привезли много с собой. Был уже и черный охотник, что приносил дичь и рыболов, что удил рыбу в недалекой реке. Должны были прибыть скоро и несколько сот рабочих. Они запаздывали и приходилось ждать и только намечать будущие квадраты для посадок и подготовлять место для выращивания саженцов кофейных и деревьев какао. Рабочих — природных дровосеков и живших всегда только в лесах, приходилось искать за много десятков километров, из Манъа. Эти были наилучшими.

Занимались их розыском, наймом и перевозкой особые агенты, а также и люди общества, где служил Пьер, у которых были связи с шефами племен, деревень и администрацией. Сдавшиеся на уговоры люди, и подпоенное начальство их, назначало столько то негров из деревень, огулом обязанных согласиться на столько то времени работы на рубках и на таких то условиях. Выдавался аванс деньгами и натурой — одеялами, одеждой, ножами и проч. вещами, нужными для рабочих, деревни и семейств людей, уезжавших на долгие месяцы.

Черные грузились в камионы, а если не было удобной дороги, то сперва долго шли до места стоянки и там грузились. Во время пути приходилось иногда вести людей, принимая известные меры осторожности, чтобы они не разбежались.

Шел точный счет им, надевалась на шею веревка от одного к другому и, таким караваном, нагруженные своими вещами они шли пачками по 10-20-30 человек, под присмотром доверенных лиц агента.

В грузовик посадить черных было не просто. Надо было поместить как можно больше народу и таким образом тоже заработать на доставке. Обыкновенно в двух с половиной тонновый грузовик становилось все, что могло стоять, сильно потеснившись, а потом все, что могло втиснуться на корточках между их ног. Опытный возница мог погрузить до 45-50 человек, да еще и свой и их багаж. Все это потом мчалось с небольшими остановками, чтобы не разбежались «добровольцы» по дороге к месту назначения.

Ясно, что часть все же как то исчезала. От плантатора или общества предприниматель получал с привезенной головы. Добавлялись расходы на взятки и одежду, что потом вычиталось из заработков. Кормить обязан был плантатор. Нечто подобное хорошо описывается в рассказах Джека Лондона, относительно вербовок на островах Великого океана.

Приехавшая братия немедленно начинала строить «кампеман» — бараки для своего жилья. При чем строго смотрелось, чтобы каждая раса жила отдельно и на большом, возможно, расстоянии друг от друга. Без этой меры были бы немедленные, бесконечные истории, вплоть до убийства. Назначались повара, поварихи, той же расы, охотники, рыболовы и начальство, отдельное для каждой группы, а потом выдавался материал и инструмент — мачеты, пилы, топоры и проч. и все вносилось и записывалось в книги, под ответственность каждого.

Строились магазины «пепиньеры», где сеялись зерна кофе, какао. Все это прикрывалось

пальмовыми листьями, т. к. ростки всего этого очень нежны и их иначе убило бы солнце. Зерна оставляли прорастать и расти до одного года. За это время готовили место для посадок. Рубили лес. Это было очень сложное дело. Очень часто были и несчастья всякого рода. Так как дело с плантациями было фактически очень недавнее, то возникали по ходу дела новые вопросы и осложнения. В одном месте решено было снова сперва все испробовать и сажать по разным методам. Сваленный лес и огромные деревья по 70-80 метров вышиной, решали оставить на месте, как есть, чтобы они гнили на месте постепенно. В другом делали по старому — сперва складывали все в кучи и жгли, а пепел потом разбрасывали. Иногда огромные куски горели по две недели. Другую часть, которая была ближе к дому оставляли на дрова и доски.

Когда главное было сделано, разбивались окончательно квадраты сто на сто метров ширины земли с просеками между ними. Составлялся и план с обозначением номера, посаженного сорта и времени посадки и всяких деталей, соблюдавшихся при этом. Это был своего рода паспорт плантации. Приказ о посадке того или другого сорта кофе или какао прислан был из центра. Все сорта имели свои положительные или отрицательные качества Один сорт не болел (кулью) и был вынослив на засуху или сырость, другой—робюста хорошо рос и не был нежным деревом, но дешевым сортом, третий—либерия был крупным зерном и очень дорогим по цене, но вечно болел и требовал много ухода за собой. И так со всеми другими.

Самый дорогой и лучший сорт—арабика, на плантации, где был Пьер, решили не сажать. Оказалось, что он плохо прижился в этом климате. Остальное решено было пробовать все, но на по-

рядочном расстоянии один от другого, чтобы они не мешались при цветении, и не получалось бы промежуточных сортов. В промежутках между этими породами сажались квадраты какао. Все распределялось в стройном порядке, по разбивке на определенном расстоянии дерево от дерева. Зависило от сорта и опыта сажавшего плантатора.

Пьеру работы было без конца. Первое время он думал, что никогда не выдержит до конца контракта. Всегда жара, условия жизни новые, необычные, еда всякая, что попадется, жилище примитивное. Комары, муравьи, термиты, всякие насекомые и звери. Все время надо было быть настороже и за всем следить — за черными, за непосредственным начальством, что становилось опасным в моменты выпивки. Тогда особенно много приходилось работать и все падало на его усмотрение и предприимчивость.

Все же он довольно быстро втянулся в дело и приспособился к местной системе работы и понял в чем вся загвоздка. Знакомый с детства обращаться с землей и ее любить, он и тут усмотрел общие правила, которые надо было применять и их придерживаться. Но были и загадки, неразрешимые до сих пор. Например, дерево какао нуждается в извести для своих плодов, вернее, для оболочки их. Это как бы вытянутая груша или кокон, а в нем лежат зерна какао. В земле никакой извести нет и никакой анализ этого не обнаружил. Так откуда же она взялась? Должны быть какие нибудь бактерии, что ее создают и передают дереву, но они никогда не были тоже найдены.

Постепенно плантаторское дело стало его занимать все больше и жизнь сразу стала легче. Его оценили, он это видел, и полюбили. Завелись друзья. С ним начинали советоваться. Все давало моральное удовлетворение и повышало уверенность в себе. Время бежало.

Рабочий день начинался рано. На экваторе, где можно сказать, стояла плантация, время между ночью и днем было почти одинаково и летом и зимой. Начинал бить в барабан, с точностью хронометра, прирученный к этому ручной шимпанзе, сидевший на цепи у дерева и около дома, по имени Вон-Вон. Бить в там-там было его привилегией раз навсегда установленной. Как знал он время, точно сказать нельзя, но он никогда не ошибался. Вероятно узнавал это по крику птиц и обезьян, которых еще не успели съесть и распугать рабочие. Бил он до тех пор, пока рабочие не выстраивались перед домом.

Через шефов назначалась работа—этой группе рубить деревья, этой сажать, этой вести линии для посадок, этой чинить мост, провалившийся под камионом, этой идти за мясом, убитого накануне зверя и проч. проч. Тут же творился суд над провинившимися по докладам шефов. Виноватые выстраивались в особую шеренгу. Шеф группы перечислял вины каждого и давал объяснения. После выяснения всех деталей, указывалось наказание. Один из этой же группы выходил и давал по очереди, по надутым щекам пару или несколько пощечин. Кончив с этим и пройдя всех выстроенных, он становился на свое место и в свой черед получал свою порцию. Если замечалось, что он бил «лукаво» не сильно и не по правилам, то ему назначалась двойная порция заплеух. Таким образом никто не был в обиде. Суд был гласный и решения мгновенны и не обременительны, а, главное, привычные.

Для больших провинностей дело шло хуже. Провинившемуся назначалось 20-30 ударов «шикотой». Это была лента — кусок кожи гиппопотама или слона 2-3 сантиметров ширины и до метра длинны. Кожа высушивалась на солнце и делалась гибкой и упругой. В Судане применялся

для этой цели «нерв быка». Наказуемого клали на землю, вернее, он сам ложился на нее и его товарищи по работе били его по спине и ниже, назначенное количество ударов. Наказанный тут же вставал, вытирал кровь и шел, под смех других, на работу.

Так наказывали во всей Африке со времен Адама. Упоминание об этом способе есть в Библии, в хрониках Египта и всего Востока. Пьер считался хорошим и справедливым хозяином и его слушались охотно. Когда же появлялся пьяный начальник, то следовали крики, мордобой, и, первое время, Пьера коробило.

Рабочие убегали, появлялись новые, на место кончивших контракты. Пьер стал разбираться в племенах по шрамам на лицах и научился немного их языкам, достаточно, чтобы объясняться без переводчиков. Но иногда приходилось говорить «по цепи» в несколько человек. Один знал это наречие, переводил на следующее и так доходило до Пьера, ответ шел тем же путем. Народностей на Слоновом Берегу было множество, т. к. они веками не перемешивались. Выходило так, что жили отдельные группы по 10 тысяч человек и только в своем округе. Если же случайно кто, заблудившись, попадал в соседний край, то исчезал съеденный. Об этом все знали и избегали общения.

Пьер научился назначать нужных людей шефами и на определенные работы. Дело пошло еще лучше, когда Пьер выучил «международный язык» Д'Юла (торговцев), на котором очень многие говорили. Выучил обычаи и нравы черных в главном и стал выслушивать и разбирать все «палабры», так назывались споры и претензии черных между собой, а они возникали из-за всего. Выписал медицинскую книжку-справочник и завел небольшую аптеку. Это сильно подняло авторитет его среди черных.

После разбивки на работы, надо было проверить их исполнение и внести поправки и дать новые указания. Обойти новые места рубки и Пьер очень удивлялся, первое время, тому количеству всякого зверья и особенно змей, которые убивались при этом. Тут было все: первое время попадались и даже маленькие гиппопотамы, до метра ростом, и очень редкого сорта — были обезьяны всех пород, ленивцы — маленькие копии медведей. Жили они всегда на вершинах деревьев и летели с ними на землю при рубке. Несколько из их детенышей Пьер взял к себе и они быстро приучились. Потом также быстро исчезли, видно, украденные черными для еды.

Главное же были змеи: тут были толстые, короткие полена, зеленовато-темного цвета, с красивыми разводами—«випер де Габон», или минутная, ее трудно было отличить от земли и листьев плантации. Выдавала она себя особого рода хрипением и свистом и широко открывала пасть. Это ее, главным образом, употребляли негры для ловли буйволов. Продев через кожу змеи ремень, привязывали они ее на дороге-тропинке. Буйвол задевал ремень — змея немедленно кусала его в ногу и он умирал в несколько минут. Красивые, необычайной живости и подвижности, нервные, ярко зеленые «змеи бананов». Они проносились молнией по «бруссе» — лесу.

Главная же царица была кобра, черного цвета—«найа». Она доходила до трех метров длины и в хорошую руку толщиной. Это гордое и бесстрашное существо, потревоженное само немедленно атаковало и необыкновенно точно, часто, плевалось, попадая за 3-4 метра прямо в глаза. Ослепленное животное или человек от сильной боли ничего не видело, а змея в это время кусала их. Негры очень ловко мачетой сбивали у них голову с надутой шеей. Пьер тоже этому

научился позже. Первое же время всегда приказывал «бою» Лауде, идти впереди, а особенно ночью. Сам он не умел еще их замечать в листве. Один раз ему пришлось со скоростью «ста километров в час», по его словам, спасаться от такой гадины, мчавшейся за ним. Перенял ее по дороге случайный негр и этим освободил запыхавшегося Пьера.

Были и боа. Размер их был, обычно, 3-5-6 метров длинны. Но раз попался один, имевший 8,30. Это был уже очень редкий экземпляр. Толщины он был 82 см. в окружности по середине. Сколько весил, Пьер не знал, но его с трудом несли потом четыре негра на кухню. Там это вызвало большую радость, т. к. такое мясо считалось большим деликатессом. Вообще все убитое тащилось всегда честно, на общее пользование и к общей радости и с криками к поварам. Обезьяны потрошились и с кожей и головой шли в котел.

С непривычки Пьеру казалось, что они едят детей. Количество съедаемого за один раз просто поражало его. Много или мало было наварено — все исчезало. Давно разложившееся и вонючее мясо многих дней, не действовало на черных никак и даже нравилось им, т. к. по их словам, было мягче. В этом он убедился, когда начал разводить свиней у себя на плантации. Свиньи, даже скрещенные с местными дикими кабанами (факошерами) для большей их выносливости против болезней и климата, вдруг стали дохнуть. Причины этого не находилось, пока протрезвевший шеф не определил отравление. Их нарочно травили черные, чтобы съесть потом. Что только не делали с тушами? Закапывали в землю, предварительно поливали всякими вонючими средствами и все же через несколько дней, они были вырыты и съедены в укромном месте в лесу. Пришлось бросить разводку свиней...

В 12 часов Вон-Вон бил опять в там-там. Это было время для еды и отдыха. В 2 часа дня опять бил барабан, для работ. Вечером опять. Наступало время большой еды и потом танцев. Для этого всегда был предлог. Было поразительно с какой выносливостью, веселостью и беззаботностью вели себя черные. Первое время было много краж, даже из запертого дома и магазинов. Потом дело наладилось. Пьер взял в дом персонал других рас. Они ненавидели друг друга и смотрели зорко один за другим. По вечерам доносили и часто врали, лишь бы напортить другому. Часто приходилось менять их. Все это делалось сперва по совету старых служащих. Потом Пьер «научился манерам и политике черных».

Но настало время Пьеру быть одному. Шеф допился до того, что заболел почками, а может его и отравили. Добавилась старая малярия и др. болезни. Вызванный доктор (как их называют там «тубиб») пришел поздно и констатировал только смерть. Особенно разбираться в причинах смерти его и не интересовало. Тут же умерший был и похоронен, без особых торжеств. Соседи допили оставшийся резерв вина и разъехались. Оставшийся инвентарь от покойного состоял в паре старых рубашек, большом количестве пустых бутылок и долгах в лавках соседнего городка. Их заплатила компания.

Было признано, что Пьер может остаться один на плантации и что он для этого достаточно всему научился. Это было повышение, повышено было и жалование. Подошел и срок отпуска, но у Пьера был свой особый план и он попросил его оставить и деньги за отпуск (дорога туда и обратно и 6 месяцев жалования) выдать ему на руки. Это было разрешено. Этими двумя первыми годами можно было гордиться.

Налажена была огромная плантация, правда, еще не вся по программе, но порядочная часть ее. Налажен дом, постройки, сушилки для кофе и какао. Над ними все плантаторы, обыкновенно, ломают головы, как сделать лучше и практичнее и дешевле. Некоторые останавливаются просто на том, что сушат все на солнце. Но это сушение не идет так быстро и возможно только на маленьких плантациях. Бывают случаи, что зерна зацветают особой плесенью и теряют в цене. Модель же Пьера заслужила по своей практичности всеобщее одобрение. Могла высушивать очень быстро большие количества продукта и дешева была по своей постройке.

Научен был и вымуштрован главный персонал, который знал, что делать и верил ему. Приобретен же огромный опыт в обращении с черными и с белой администрацией и плантаторами. Характер у Пьера был покладистый и он слыл хорошим работником. Завязывались многие знакомства, ценные для будущего. Завелся и капиталец. Ведь жизнь при плантации почти ничего не стоила—все было в главном свое: мясо, рыба, рис, был и свой огород. Оставались примитивная одежда и «женский вопрос». Пьяницей он не был, да и печальный пример бывшего шефа и его мучения отпугивали от этой привычки. Гостей он видел редко, а без них не было причин и охоты пить.

Второй контракт, уже с сильно повышенным жалованием, наступал в самых радужных красках. Пьер присматривал уже участок для своей будущей плантации. Но об этом никто не знал. Контракт кончится и он начнет хлопотать о концессии. Для поисков Пьер исчезал иногда в лесу с «верным человеком» и выбирал нужное место. Это было не легко, так как и это и то имели свои выгоды. Здесь был ближе транспорт для

кофе, там земля лучше и не было соседей плантаторов. Все надо было обдумать и взвесить и только тогда писать и приглашать брата для совместной работы. А пока он только очень редко посылал ему вести о себе.

Мерещилось, что можно будет завести и маленькую лавочку со всяким нужным для черных барахлом. Можно было бы заняться и транспортом товаров, хлопка, черных. Можно было бы нужный материал получить сперва и в долг—его уже знали и охотно бы помогли. Он уже справлялся по этому вопросу.

Стал подумывать и о «женитьбе». Местному шефу деревни было сказано, что Пьер хочет приобрести «муссо»—черную жену. Были высказаны и пожелания, какого типа, роста, характера хотелось бы ее иметь. Был дан и «кадо»—подарок для вящего рвения. Через неделю рано утром, когда Пьер вылез из дома на развод, он увидал перед дверью 15 выстроенных девиц. За ними чуть отступя, стояли родители. На девицах были только «паньи»—куски материи разной окраски, чаще всего английского происхождения или домашнего тканья, что было прочней и дешевле. На одной, самой молодой, было только «какомоно» — четыре нитки с нанизанными на них крупными бусами, разных цветов. «Какомоно» было повязано на бедрах и через нити была перекинута разноцветная тряпка-поясок, доходившая почти до пола,—признак невинности. У женщин такой поясок не доходил даже до колена. Бусы оттеняли, контрастом, цвет кожи и делали девицу очень пикантной. «Тото»—груди еле намечались и она была совсем девочкой.

Кончив с разводом рабочих, очень заинтересованных каждой новостью, а особенно такой, важным событием в жизни их начальника, Пьер вернулся к линии терпеливо ждавших решения

своей судьбы, девиц. На их лицах ничего не выражалось. И выражать что бы то ни было было страшно невежливо и неприлично. За них все решат родители или попечители. Одна за другой они браковались: то рожей не вышла, то очень молода, то казалась «меланхоличной», то толстой, то старой, то «кости да кожа».

Неугодные были отправлены домой, но каждой, за беспокойство, было дано по куску материи или платок, на выбор, а родителям по пяти франков (огромная сумма — равная в те времена 2-3 рабочим дням). Это, вообще, было излишне, но Пьер хотел пустить молву о своей щедрости (хорошего белого), для будущих может быть нужд в таких делах. Остались на конец две кандидатки. Начались разговоры. Родители не хотели их отдавать «навсегда», а только были согласны на время, на 2-3 года или чуть больше. Они уже были просватаны за черного, но он не все внес за них, оставалось еще выплачивать порядочно и они поэтому жили у родителей, до тех пор пока деньги не будут внесены полностью. Оставить же так «бон-ами», как подружку они могли на любое время.

Морально все было в порядке и жених в ущербе не был. Он и не был в претензии от такого оборота событий, т. к. невеста его за это время могла кое что и приобрести и подработать. Уговорились на «бон-ами». Полагалось отцу дать 100 франков и подарки. Торговались и остановились на 75 фр. Так как характер девицы был неизвестен и она могла оказаться «крапюль» — плохой не удобной для жительства, то родные соглашались оставить ее сперва на пробу на 15 дней. Окончательный расчет должен был быть только через это время.

Пьеру трудно было выбирать между двумя кандидатками и поэтому, по совету всех присут-

ствующих, он решил оставить обоих и на тех же условиях. Вечером был большой там-там, а на всеобщее счастье, еще был убит большой факошер (дикая свинья) и еды было много. Была выдана двойная порция риса, пальмовое масло и всякие добавочные специи в нужном количестве на человека. Пальмовое вино доставали уже сами. Для жен были даны из магазина подарки на выбор. Для «молодожена» тоже было не плохо. Приехал случайно его знакомый коммерсант с очередной кипой товаров для черных и с заказом для Пьера и плантации. Парень был молодой, одних лет с Пьером, симпатичный и очень обрадовался такому событию. Одна из «невест» ему очень понравилась, но решили бросить жребий, чтобы не было обидно никому, и чтобы сама судьба указала, как поступить. Выпало, как хотел приятель. Поговорили с родными, те ничего против не имели и веселье продолжалось.

Девица Пьера, Амна, оказалась покладистая, хорошо сложена и очень веселая, со смазливой, черной, приветливой мордашкой. Ей льстило такое богатство и роскошь и изобилие всего, особенно еды и ничего неделание. От рабочих она получала знаки внимания, как «жене их шефа». Это очень ей льстило.

От подруги, иногда, раз в два месяца, приходили вести, а бывало, появлялись они сами. Тогда шло веселие «молодоженов» и сообщались все новости. Вообще же носилась она со своим «мужем» по всей колонии и даже за ее пределы. Одета она была принцессой и пахло от нее всеми духами мира. Вызывала она зависть всего женского и мужского населения своими «туалетами» (бубу, паньи, платки и пр.) и была страшно горда. Научилась готовить, шить и стала помощницей своего «летучего мужа». Наша тоже не отставала в своем образовании. Все шло, казалось, хорошо.

В один прекрасный день «супруга» стала кукситься и сидела с надутым видом на кровати. Выяснилось, что на ближайшем базаре и в «местном обществе», давно уже пошли споры и смешки, обидные для нее. Как это она, жена такого богатого белого, сидит одна и не может ни над кем командовать. По правилам, жена первая командует второй, та третьей и т. д. Чем больше жен, тем больше знатности и почета. У их повара даже есть две жены, а она одна, ведь это совершенно ненормально.

Для утешения пришлось сперва подарить платок за 3 франка и договориться потом, что она сама, среди своих подруг, найдет себе под пару. Муссо повеселела и гонцы были посланы с инструкциями. Через недельку у дома стоял ряд, уже штук в 30, прелестниц всех сортов. Первая щедрость и хорошая молва сказались. Пьер правильно расчитал в первый раз. Муж считался он хороший, не бил, кормил до отвалу и жену и родных при посещениях, давал подарки. Честно все уговоренное заплатил. «Уважал» родителей жены, особенно свою «бель-мер», славную, болтливую бабу, черную, как сапог. Большего желать не приходилось.

При выборе здесь помогала уже «жена». Она расхваливала каждую и обращала внимание на ее физические прелести и говорила о ее душевных качествах. Долго выбирали, браковали и снова звали обратно. Наконец был выбран цвет «красоты и добродетели». Сложение, цвет кожи (коричневато-черный), зубы, стройные ноги, милое лицо, волосы со вкусом заплетенные в сложном рисунке, «тото» (грудь) красивой формы, приятный голос—она даже должна была пропеть какую то песенку, все буквально все, было без изъяна и зазоринки. Опять были даны подарки всем, кому надо.

Было празднество. Коммерсанта не было, т. к. он не знал об этом новом событии. Новенькая оказалась просто прелесть во всех отношениях, но с норовистым характером, как все красавицы. Она страшно нравилась Пьеру, может, как новая игрушка. Но дело оказалось сложным и выяснилось много нового. Она ни за что не хотела нарушать порядки. А эти порядки были точны, как часы. Так было всегда установлено предками и обычаями и все это подтверждали хором. Первой жене принадлежал понедельник, для этого она уже с утра ничем другим не занималась, как мылась, причесывалась, душилась, стирала белье и наводила ослепительную красоту. В этом ей помогали все другие жены, если были. Второй полагался вторник — с тем же церемониалом. Третьей — среда и т. д. Боже упаси, внести путаницу в счет. Поднимался бунт и крики всех и вой.

Воскресение был отдых для всех. Здесь можно было, иногда, нарушить очередь, но не всегда. Понедельник всегда принадлежал первой. Нельзя было двух иметь в один день. Капризы и желания мужа здесь ничего не значили. Пришлось подчиниться.

Через три-четыре месяца история повторилась, с капризами и недовольствием при поддержке первой и у второй жены — Яо. Обычно ее называли просто «Милашка». Пришлось согласиться и взять третью с тем же ритуалом. Было уже на смотринах почти пол роты девиц. Даже пришло 2 вдовы, как выяснилось при разборе. Они сразу были выгнаны.

Когда все пришло в порядок и семейный уют наступил, жизнь все же стала много сложней. Жены, правда, не спорили и жили в мире и тишине. Заняты были своими делами: прическами и переменой их фасонов. Это требовало

много времени иногда на несколько дней. Выбирались материи и шились платья. Просматривался инвентарь каждой, хоть он и был одинаковым у всех. Подарки всем приходилось делать совершенно те же и в то же время. Еда одинаковая, платье одинаковое на всех. Получалось, что это форма какого то института для «благородных девиц». Без этих условий получались страшные сцены «ревности», вплоть до драк и страшных криков отчаяния. То этот платок казался лучше, а это платье дороже, бусы блестели ярче и были красивей. «Какомоно» было шикарней и все в том же духе.

Порядок ночей не нарушался теперь. Пьер к этому привык и здесь все было по правилам, хотя тяготение больше имел к занятной «Милашке», действительно веселой и милой забавнице. Она что то все напевала и забавляла всех. Иногда очень мило импровизировала танцы под напевы и хлопанье в ладоши. Изображала что то и под звуки грамофона и с большим талантом. Была «душой дома».

Снабдили и коммерсанта, по дружбе, второй женой и еще одного его приятеля. У Пьера открылось что то вроде матримониального бюро, т. к. поставляемый товар считался хорошего качества.

Жены ездили в камионе по очереди, но это пришлось скоро кончить, т. к. оставшаяся дома на месяц жена, оказалась больной. Соблазнил ее какой то очередной змий, под видом шофера и скрылся потом в пыли дорог. Ей было совестно отказать кому то из знакомых в такой мелкой услуге, а на свете есть столько непорядочных людей. Попалась и она. Ее подлечили, что было еще хорошо, у знакомого врача в диспансере и отправили домой пешком. Это не представляло большого огорчения никому. Она попав в свою

деревню опять, была лакомым куском для всех, т. к. знала много новых манер жизни белых и много видела. Через неделю, после многих проб, была уже замужем снова.

Когда набралось уже пять жен и все это, как то раз из за чего то завыло и стало что то доказывать и что то требовать, Пьер, выведенный из терпения, набил им рожи и выгнал всех вон. Два месяца отдыхал в тишине, а потом, сказка про белого бычка началась снова. Грустно было без второй, но она куда то исчезла, верно, в другую колонию.

Наступил незаметно конец и второго контракта. Было предложено уже очень большое жалование и проценты с доходов от плантации. Дело шло хорошо и она должна была давать скоро крупный доход. Цены на какао и кофе стояли очень высоко. Диктовались они в Лондоне домом Менье и были в зависимости только от этого огромного интернационального треста. Как цены на хину от фирмы Пелетье. Другие колониальные товары все имели свои тресты и от них все зависило и они все держали в своем «рабстве».

Но Пьер уже все подготовил и без ругани и даже с условием, что если дело его не пойдет, он снова сможет вернуться на старое место в общество, ушел от них и снова получил деньги отпуска на руки и снова не поехал в отпуск. Это значило просидеть 7 лет в колониях, в жарком климате, и не отдохнуть и не подлечиться от всего приобретенного в тропиках. Он уже болел малярией многих форм и в довольно сильной степени. Сидел уже, на всякий случай, как все, на каждодневной порции хины (0,25-0,50 грам.). Болел и тропической дизентерией, амебиазисом и чем то еще, чего он сам не знал. Но здоровье еще не пошатнулось, вероятно потому, что пья-

ницей он не был, не курил, а, главное, что ему было только около 30 лет. Гостей у него бывало мало и соблазнов к излишествам не было.

Выдали концессию и Пьер начал свое дело. Ему повезло. Одна из его очередных жен, Каака, была дочерью шефа деревни, находившейся от его плантации не особенно далеко. Это сильно упростило наем рабочих. Они у него были всегда и им не всегда можно было платить. Шеф все приводил в порядок. Заинтересовал он «зятя» в плантации и тот старался во всю.

Плантация была устроена «на ять». Опыт, приобретенный у других, пригодился. Посажено было все, что надо и росло прекрасно. Соседей плантаторов не было близко. С охотой и рыбой обстояло поэтому без помехи и историй. Все это, не выбитое еще и не распуганное охотниками, было в изобилии и кормежка рабочих была дешева. Место было выбрано прекрасное — земной рай во всех отношениях. Пьер давно его уже высмотрел, все продумал и все мысленно наметил и подсчитал.

В ожидании будущих благ, все же пришлось завести камион и начать возить, что попадалось. Знакомства тут очень пригодились. Работа была всегда. Он пользовался доверием всех и, действительно, был честный парень, с которым приятно было вести дела. Исколесил все ближайшие колонии, побывал во всяких переделках. Проваливался на мостах и застревал в болотах. Опрокидывался с «живым товаром» с кручь в горах Манька на скользких от дождя дорогах.

Раз, и это осталось у него навсегда в памяти, он ехал под гору, сильно груженный досками, свешивающимися сзади с его грузовика. Вдруг, видит он, что перед ним по дороге катится автомобильное колесо. Откуда оно могло взяться? Только от него, других камионов нет. Гора, хоть

и не крутая, но длинная. Остановить сразу, клюнешь носом, доски посыпятся и все пропало. Соскочить с автомобиля, жалко, ведь разобьется. Пришлось очень по малу уменьшать скорость и, наконец, остановиться. Все прошло хорошо, но от переживаний пришлось лечь на землю и слегка отдохнуть.

Пока негры-пассажиры нашли колесо, вытащили его, пока приладили, прошло время. Оказывается винты были постепенно перебиты тройной тяжестью, не расчитанной при постройке камиона, колесо сорвалось и его обогнало. Еще хорошо было, что это было переднее колесо, тяжесть досок наложенных сильно назад из-за своей длинны, удержало все в равновесии. Выяснилось, что все гайки и на других колесах еле держались. Поставили кое как, что нашлось из запасных, и тихо поехали дальше. После этого случая, он стал осторожнее, но долго еще ночью просыпался в поту.

Раз, уже в Судане, увидав льва, лежащим на дороге, он захотел его таранить камионом и убить, как он думал, ударом колеса. Удар пришелся льву по плечу. Раздался дикий рев и шина с выстрелом, сорванная лапой, отлетела прочь. Пришлось удирать во все лопатки без шины, т. к. лев не подавал признаков смерти, а, наоборот, выказывал желание, в ярости, вскочить в кабинку. На верху камиона шел в это время дружный вой от страха многочисленных пассажиров. Они получили свое удовольствие неожиданно и бесплатным приложением к поездке.

Плантация развивалась и оставалось год-два, чтобы почить на относительных лаврах. Но тут грянул кризис и цены на какао и кофе, по мановению руки трестов, скатились вниз: с 7-9 фр. за кило, на 0,60-0,70. Остальное все пошло в том же духе. Масса народа разорилась и перешла на

поддержку администрации и колониальных банков. Не избежал общего несчастья и Пьер.

Камион, из-за общих дел, давал возможность жить еле-еле. Пришлось кряхтеть и опять остаться без отпуска. А здоровье все больше начало сдавать. Появилась и колониальная, особенно, привычка выпивать, то здесь, то там с друзьями и без друзей. Так прошло 2 года еще. Плантация начала постепенно оправляться и давать маленький доход. Удалось бросить камион и жить только на доходы от нее. Появились друзья-соседи. То у одного, то у другого начались собрания под разными предлогами. То охота на слонов, якобы портящих плантаций, а это правда, они любят лакомиться плодами кофе, похожими на красные вишни, внутри же имеются два зернышка кофе. Пульпа, внешняя оболочка, очень сладкая и очень нравится не только слонам, но и обезьянам. Когда шимпанзе собирает эти вишни, то издали похоже на то, что как бы черный собирает урожай. Пульпу он съедает, а зерна выплевывает, как семячки, выворачивают деревья, ломают ветки.

Слонов при этих сборищах никогда не убивают и все кончается феерическим пьянством. То делается нужным обсуждать какие то дела — опять пьянство и веселье. Игра в карты, на большие суммы и опять виски и коньяк. В одну из таких сходок в большом доме Пьера закуковала не во время кукушка-часы. Сразу четыре ружья поднялись, грянул залп и кукушка, не кончив своей трели, была разнесена в прах вместе с часами. Произошло это после нескольких ящиков виски и ничего кроме радости у всех не вызвало. Проигрывали в карты вещи, муссо, камионы. Бывало, за вечер они меняли хозяев несколько раз. «Вечера» длились, иногда, несколько дней.

Еще прошло время. Поправивший свои дела Пьер, серьезно стал подумывать о поездке в Ев-

ропу. На эту тему шли разговоры все время и высказывались всякие предположения и планы. Высказано было, что привезет он потом оттуда и белую жену. У него много старых знакомых девиц и, зная о его богатстве, все это будет теперь очень легко — выбирай хоть любую.

Эти разговоры были известны и очередной муссо, на этот раз «даме» из Либерии, где женщины отличаются особенной красотой, и независимостью характеров. Главное же знанием трав и ядов и лекарств. Пьер заметил что то странное в поведении «дамы», но не обратил должного внимания, что было непростительно для старого колониальца, каким он теперь мог уже считаться. Вдруг повар и бой попросили оба сразу расчет. Кот, любимец его, оказался в один день без усов. Пищу стала готовить «временно» муссо.

И вот однажды, после очередных мечтаний о Франции, Пьер почувствовал себя плохо и сразу слег. Доктор не мог определить ничего точно, но ввиду тяжелого состояния больного отправил его в госпиталь за 600 километров. Он прибыл туда еще живым, но на другой день скончался. Вскрытие показало острую дегенерацию печени от неизвестной причины. Видно муссо перестаралась и дала дозу больше, чем надо, а может быть, организм ослабший за эти годы, не выдержал предупреждения?

Пока приехал администратор для описи имущества и подготовки его для продажи с аукциона, в доме не оказалось ни имущества, ни боев, ни муссо, ни рабочих. Все, что можно было взять, исчезло. Плантация же постепенно начала превращаться опять в первобытный лес.

Второй брат — Жак, тоже попал по контракту, но не на плантацию, а к лесорубу. Это дело было очень доходное, но и еще более сложное

и изнурительное. Жак был здоровым, крепким парнем, метр 90 ростом. Как раз для такой профессии, как он думал. Жалование было значительно больше, чем у Пьера. Проехался он как и брат, со всеми удобствами, выгрузился, но встречать его никто не вышел. Навел справки и пошел по указанному адресу.

Его хозяин задержался с плотами и скоро должен был прибыть. Залез он в «Отель у Мими», бывшей девицы легкого поведения, а теперь всеми уважаемой «патронессы» отеля. Вела дело она твердой и властной рукой, шлепая многочисленных боев по мордам и укрощала, когда было это надо, выпивших лесорубов, плантаторов и своих других клиентов, совершенно безбоязненно и очень ловко и с большим опытом. Имела доброе сердце и охотно всем помогала и советом и деньгами, когда было нужно. Были у нее многочисленные приятели со старых времен и она честнейшим образом вела их дела — делала для них закупки всего просимого и нужного и рассылала по назначению. Это она же выписала Жака, составила контракт, послала деньги и дала все объяснения и указания. На счет же своего патрона, в кредит, он и проживал у нее в отеле.

Прошел месяц, а о хозяине ни слуха, ни духа. Правда, как говорила «Мими», сезон дождей еще не начался, а от этого зависил сплав нарубленного дерева. Приход плотов был должно быть невдалеке. Во время пребывания в отеле, пришлось многому насмотреться и научиться. Отель-ресторан был всегда полон и народ был там все интересный и бывалый. Жак прекрасно ел и Мими отпускала ему даже виски и две бутылки вина в день, но не бесконечно и блюла строго интересы его хозяина, своего старого друга и, вероятно, любовника прошедших молодых лет. О нем она отзывалась всегда хорошо и с похвалой.

Но вот появился и хозяин, Симон. Вид его был не особенно важный. Он много болел последнее время лихорадкой и другими какими то тропическими болезнями. Но результатами работы был доволен. Был уже человек пожилой и, на вид не дурак выпить. Во всяком случае прекрасно разбирался в марках вин и виски всех стран. Прошлое его никто точно не знал, т. к. это не принято было, вообще спрашивать и узнавать, но по кое каким рассказам его было видно, что «дядя Симон хлебнул жизни и приключений изо всех кранов». Стрелял он бесподобно из всех систем револьверов и ружей и на любое расстояние. Сам говорил, что не помнит, когда в последний раз промахнулся, кажется в 10 летнем возрасте. И это было и в пьяном и трезвом виде. По его рассказам можно было заключить, что он был в Иностранном Легионе, был контрабандистом в Индо-Китае, был продавцом рабов в Красном море, там же был ловцом жемчуга, вернее, больше скупал его у арабов, торговал негласно оружием на восточном берегу Африки, сидел по многим тюрьмам многих стран и портов. Был китобоем в Южном океане на норвежском судне и, почувствовавши тесноту в Старом Мире, попал случайно в африканскую колонию. На теле его были видны старые шрамы от пулевых и других ранений. Прекрасно боксировал и лез в драку при всяком случае.

Начинал разные дела и торговлю и кончил лесорубом. Был человек не без образования, говорил на всех языках, но особенно изящно по французски и английски. Умел спеть пропитым баритоном застольные песни, был веселым и приятным собеседником. Обладал большой силой и сноровкой. На работе был «зверем» и она у него кипела.

С Жаком они сошлись довольно быстро. Называя его «сынком» (Фису), тот его «дядя Симон».

Стали оба ждать прихода плотов, т. к. Симон приехал раньше, чтобы все наладить. Появились и они. Это были бревна огромной толщины и величины, всех сортов со странными для Жака названиями: адзобэ, кайседра, сипо, лимонное и проч.

Первой обязанностью было все это выучить и развести по сортам. Все это было в большом количестве, плод работы нескольких сотен рабочих, и должно было ждать очередного грузового парохода для погрузки. Сортов дерева было в основном больше 70-ти. Это были все ценные породы, не только по качеству дерева, но и по рисунку его разрезов. Часть, очень маленькая, пошла на местную лесопилку, а большая стала, наконец, грузиться. Подходил катер, отбуксировывал плоты из лагуны, где они дожидались очереди, в океан. Бревна подгонялись в открытом всем ветрам океане, к пароходу и лебедкой поднимались и укладывались куда надо.

Пароход каждый день садился под огромной тяжестью и погрузки эти редко обходились без несчастий, так как зыбь океана была, иногда, основательной и постоянной. Приходилось иногда даже останавливать на несколько дней погрузку из за очень большого волнения. Так как лишнее стояние стоило денег, то все шло спешно, на всех парах.

Но вот наступил день, когда все было погружено. Получены расписки от представителя-приемщика треста дерева, о получении того и сего по цене такой то, весом таким то, и деньги в местном банке были получены. Вернее, чековая книжка на них. Заплачены долги, накуплено все, что полагается для будущей компании двух-трех лет. Погружено все это было на пироги* и рабочие-плотовщики были отправлены домой, вверх по реке против сильного течения, на что требо-

* гребная лодка

валось много дней гребли и больших усилий. Одна пирога, с лучшими гребцами (лапто) была оставлена для хозяев. Теперь можно было и повеселиться. Цены на дерево были высокими и очистился очень крупный миллионный капитал. Был застрахован на несколько дней проходивший пароход, за очень крупную сумму денег, и на нем было назначено пиршество для всех белых, находящихся в данный момент в городе. Наняты все средства передвижения — на переднем установлен орган, все ездило и каталось по городу, ело, пило за счет лесоруба. На пароходе было зверское пьянство и кутеж. На третий день все сгрузились, некоторых спускали в шлюпки в бессознательном состоянии, как дрова. Пароход ушел, содрав большие деньги. Но все были довольны и на зто не смотрели с сожалением. Дядя Симон полностью себя показал и не ударил лицом в грязь.

Настало время веселиться на берегу. Мими чуть не померла от переутомления, приготовляя все, что надо было для празднования. Она не могла осрамиться. Ее честь и честь ее отеля и дома этого требовали. Такие праздники делали эпопею и о них говорилось потом годами и по всем местам. Разбирались происшедшие события, смаковались блюда и проч. проч.

На еду было поставлено все, что можно было достать с пароходов и с земли. Аэропланов тогда еще не было. Бралось из лавок и из запасов вино, лучших марок, особенно шампанское. Гости — все белые, друзья и не знакомые, даже из очень далеких мест. Жак был на первом месте, как помощник хозяина. На нем же лежала обязанность следить за дядей Симоном, если он собирался что либо выкинуть «сногсшибательное». Все были «пьяны в доску» и бои их разносили по кроватям, чтобы утром, выспавшись, начинать

все снова. Длилось «торжество» несколько дней. Обошлось без драк и увечий, т. к. Мими была на чеку и сразу появлялась, где надо, как из под земли, и крепкой рукой усмиряла провинившихся. Друзья, иногда, помогали, если это было нужно «слабой женщине». Никто не обижался — это было в программе действия, и все шло по программе дальше. Съедено было всего и выпито неисчислимое количество. «Бал был со славою на много лет».

На четвертый день пришел пароход из Франции. На нем ехало около 20, очередных девиц для определенных целей и службы. Мими поддерживала деятельную связь с «патронессами» публичных домов во Франции. Обмен «товаром» происходил периодически. Часть из них оставалась по дороге в портах, а другая доходила и жила у Мими. Часть распределялась между желающими. Происходило это с торгов в большом зале ресторана. Жак и попал на этот аукцион. Молниеносно всем заинтересованным, стало известно, что прибыла партия редкого качества, и, такого то числа будет аукцион.

Ресторан с 8-ми часов вечера был полон народа. Были чиновники, военные, плантаторы, лесорубы и все другие, разных чинов и характеров, любители просто посмотреть на редкий спектакль. Все это был «холостой» народ, или просто знатоки и любители «клубнички». После ужина, плотного и обильной выпивки (Мими старалась подогреть настроение и цены на вино были ниже обычных), очищался большой и солидный стол. Ставился он по середине зала и после краткой речи Мими, читавшей правила и обязательства аукциона, приступали к торгам.

На стол впрыгивала первая девица, обыкновенно в костюме Евы, поворачивалась и принимала позы, освещенная светом ярких ламп и све-

товых эффектов. Посылала улыбки направо и налево. В первую очередь шли телесно похуже, а иногда шли по жребию, что было более справедливо. Ставился вопрос, что за нее дают? Мими опытно и, не в первый раз, вела свое дело, и часто среди публики раздавались реплики и остроты, нескромные вопросы и шутки. Слышалась и критика той и другой части тела, на что заинтересованная девица и отвечала, потом начинали выкрикивать предложения: сто франков, 200, 250, 300 и т. д. Зависило от «товара» и его привлекательности, молодости, остроумия ответов и умения держать себя.

Доходило, иногда до огромных сумм. Когда больше не было повышения, стучал молоток и девица соскакивала со стола и на ее место влезала следующая. Первая шла к купившему ее и садилась рядом. Так шло до последнего номера. Если же было много «на продажу», то все начиналось на следующий день, но это было редко. Подвыпившие зрители входили в азарт, как и на всех аукционах и было очень весело. Мими на всем зарабатывала свой процент, но это и было понятно, т. к. и расходы были большие.

Когда все было продано, подписывался контракт на определенное время. Купивший обязывался давать «даме» помесячно цену, указанную им при торгах, в течении уговоренного срока: на полгода, год, и т. д. Контракт мог потом быть и продолжен. Была даже раз одна губернаторша, в прошлом такого происхождения. Все делалось по соглашению, под бдительным наблюдением Мими. Кроме месячной суммы «новой жене» должны были даваться еда, платья, удовольствия. Оплачивалась и часть дороги. Когда все были разобраны, то устраивался «бал молодоженов» и всеобщее пьянство. По традиции платили за него «новобрачные». Взятые на себя обязательства

обыкновенно свято соблюдались обоими сторонами.

Хозяин Жака, уже сильно потратившийся к этому времени, не участвовал в торгах, но принимал, на правах друга дома и старого, верного знакомого, деятельное участие во всем. Этот раз посылка из Франции была действительно удачная и только одна «дама» не была пристроена и поэтому осталась у Мими. Жак танцевал со всеми и поздно был оттащен боями спать в свою комнату. Вытащили его из под стола в углу, куда он незаметно свалился пьяным.

Но вот пришел конец и веселью. Деньги были прокучены почти все и пришлось все начинать снова. Погрузились в пирогу и помчались домой. Чем выше шли по реке, тем было все глуше и все меньше попадалось деревушек, свернули в речку поменьше, потом еще в одну, потом другую, и прибыли к своим разработкам леса.

Здесь все было примитивно, т. к. с вырубкой ценных пород, лагерь передвигался все дальше и дальше на новые места. Вся мебель была сделана, как столы и кровати из старых ящиков и всего, что попадется под руку. Хижина и постройки для рабочих были такого же типа «временных курятников». Походило, что расположился лагерь кочевников или цыган.

В первую же ночь в своей хижине Жак был испуган и разбужен суетой и криками: маньяны, маньяны... Вскочил и он, и попал сразу же ногой в густую кучу муравьев, толстой лентой шедших через щели дома. Укушенный во многих местах сразу же, с сильной болью-ожогами, чертыхаясь, он сразу понял в чем дело. С крыши в панике сыпались мыши, пауки, тараканы-кафары и всякая нечисть вплоть до змей, охотившихся обычно там, на крыше в пальмовых ветвях за мышами и крысами. Все мчалось с писком и

криком вон, подальше от дома. Что не успевало удрать сразу же облепливалось муравьями и сперва каталось клубком, потом затихало и исчезало разъеденное и растащенное на кусочки. Этих муравьев боятся даже слоны и все животные. Напав на слона, они первое что атакуют, так это хобот, нос, а главное, глаза. Слон обезумев от боли, толчется на месте и гибнет.

Тоже происходит и с боа. Задушив свою жертву, змея, сперва долго ползает вокруг нее и смотрит, нет ли поблизости муравьев. Если они имеются, змея все бросает и уходит, т. к. отлично знает, что во сне, после еды, ей не удрать и она будет съедена ими.

Жак видел раз, что оставленный труп черного ночью был муравьями разобран и очищен до белизны костей. Единственное спасение это огонь или терпение. Надо было только ждать, чтобы нашествие прошло. Это было даже хорошо, т. к. весь мусор и падаль, что были рядом с домом, очищались и прибирались. Часов через пять, все приходило в нормальный вид.

Один раз, встав утром, Жак сел на стул, сделанный из ящиков и свалился на пол вместе с остатками стула и стола. Все оказалось прахом. Это термиты за ночь все съели, оставив только тонкую внешнюю оболочку. Проникли они прорытым тонким ходом, через глиняный пол. Тоже произошло и с календарем на стене и фотографией. Вещи уцелели только те, что были поставлены, предусмотрительным боем, на четырех пустых бутылках. По стеклу они не лазят. Еда была подвешена в ящиках на проволках к крыше, внутри дома. Постепенно пришлось учиться всем тонкостям колониальной жизни.

Начала́сь и рубка леса. Перетаскивание нарубленных стволов к берегу. Сперва выбиралось нужное подходящее дерево, что требовало вни-

мания и опыта. Лес в колониях, как правило, беднее, чем в Европе, по своей ценности на гектар. Бывает одно-два, редко три нужных и ценных ствола, остальное же совершенно негодно по своей малоценности и непрочности. Огромные гиганты до 80 метров вышины и много сотен лет росту, стоят окруженные всякими другими породами деревьев, тянущимися вверх к свету с полутемной земли. У корней нет ни солнца, ни достаточно света — стоит сырой мрак, сто процентной сырости. Все время падают капли со всего и стоит особый гнилой запах тропического леса (бусы).

Ствол ценного дерева гладкий до самого верха, а там раскидывается огромная шапка, тоже гигантских ветвей. Растет оно так, что постепенно нижние ветви отмирают в темноте леса, по мере роста. Начинают гнить и в очередную бурю (торнадо), отламываются и валятся вниз. Место на дереве, где росла ветвь, на стволе, медленно, годами зарастает и часто дает удивительно красивый, очень ценный рисунок не разрезе, при обработке потом. Жак раз видел, как бы какой то бой каких то человечков в стихии битвы сплетенных вместе. Рисунки бывали и еще более странными. Из этих кусков делались искуссными мастерами в Африке и в Европе, ценнейшие шкатулки, фигурки, мебель.

Падение этих ветвей во много тонн весом, являются одной из главных причин смертей у черных в лесу, т. к. никогда неизвестно, когда эта тяжесть с молниеносной быстротой свалится на землю. Никто по той же причине, не ставит своих хижин и домов под деревьями. Чем больше у дерева были контрафорсы, огромные корни идущие по земле в разные стороны, для большей устойчивости дереву, тем порода его была более малоценной. Такое дерево никто не рубил. Дере-

во-фромаже-хлопковое имело их вышиной в несколько метров и простирались они тоже очень далеко. В извилинах этих корней ютились всякие звери, а особенно змеи.

Выискивались на рубку только драгоценные породы. Жак постепенно их все выучил и узнал. Но это пришло не сразу, так как много было разновидностей. Часто ловил себя, что даже кухня делалась на редкостной ценности красном дереве, горящем без дыма, и так дорого стоящем в Европе. На месте дерево в лесу ничего не стоило. Стоила работа, потраченная на него и доставка.

Рубилось оно так. Сперва строились леса — на вышину трех-четырех метров от земли, вокруг ствола сооружался помост. Предварительно рубились лианы, обвивавшие его густо до самого верха и росшие с деревом вместе. Чистилось место. Работу рубки, полутора до трех метров в диаметре гиганта, делали сразу с двух-трех сторон, как позволяло место. Делали это опытные люди и дерево после 10-15 дней рубки падало с точностью до пол метра в нужное место. Здесь за работой могли быть разные несчастия. Падала ветвь, неудобно повернувшись, сам рабочий мог упасть, мог пораниться топором и т. д. Жак должен был быть и медиком, чтобы подавать первую помощь, ведь никаких врачей не было ближе многих десятков километров, не было и дорог.

Когда дерево упало, ствол рубился на куски, определенной, международной, принятой на рынке, длинны. Готовилась дорога к реке. Делались катки. Дерево тащилось по ней, на подкладываемых все время брусьях-катках. На берегу складывались бревна по 6, иногда 12 метров в нужном порядке, связанные между собой лианами. Они ждали очередных дождей, которые подымут уровень в реке и она понесет их к морю. Тянуть многотонновый ствол такой толщины (1 тонна

считается на метр длинны ствола, при определенной толщине), иногда, километры, не простая задача. К стволу привязывались толстые лианы и человек 200-300, зависело от толщины дерева и почвы, по которой тащили, подкладывая катки, тянули их под ритмический крик к воде. Так, вероятно, было еще до существования Египетского Царства и такой же метод применялся для передвижения всякого рода тяжестей. Так строились долмены, храмы, дворцы, пирамиды...

Случалось, что поскользнувшись, черный падал под дерево. Оно тянулось дальше, пока все не проходило, т. к. спасенья все равно не было. Это все равно, что вытаскивать кого нибудь из под танка. Но такие случаи были редки, т. к. ловкие, как обезьяны, черные, на удивление Жака, работали очень точно в известной им работе. Различные племена их должны были работать не вместе. Для негра нет ничего противней, как черный другого племени. Его считают хуже собаки. Хорошо и единственно ценно только его племя. Все остальное в счет не идет и может уничтожаться.

Работы шли в двух разных местах. Хозяин в одном, а Жак в другом. Так быстрей шло дело. Было решено, что следующий период дождей будет пропущен, а на второй год поведут двойной караван к морю.

На работе ничего не пили спиртного, только в период «кафара» — своего рода упадка сил и нервов у хозяина, он начинал чудить и выпивать. Но т. к. он был не один, то эти припадки были всего два раза.

Появились и «муссо». Одну привезли из далеких мест, а другая нашлась в лесной деревушке, случайно попав Жаку на глаза во время остановки на охоте. К охоте Жак страстно привязался. Тут было все и для охоты были всех сортов

звери. И, хоть многое запрещалось убивать администрацией и законами, но на это мало обращали внимания. Кто же мог узнать в такой глуши, за сотни километров кто охотился и что убивалось. Винтовки запрещалось иметь, но контрабандным путем не так то трудно было их достать, как и патроны к ним.

Охота на слонов особенно была интересна и возбуждающа. Обыкновенно она делалась с 2-3 охотниками неграми-специалистами следопытами. Они знали все мелочи ее и без них любой бы заблудился в пять минут в чаще, где за несколько метров уже нельзя было различить ничего. Впереди шел один или два охотника, вернее, они скользили бесшумно между ветками и лианами. Они были голы, или с обезьянними шкурами на головах и бедрах, чтобы походить на обезьян и тем вводить слонов в заблуждение и не привлекать их внимания. Вымазывались, обыкновенно слоновым калом, т. к. у слона обоняние значительно лучше зрения и очень развито, как и слух. Сзади, на 30-40 метров шел Жак с другим черным. От постоянной охоты вместе они все уже были связаны между собой одинаковой страстью и интересом и понимали друг друга с полслова и по знакам. Черный нес и двустволку нарезного ружья с бронированными пулями, крупного калибра. Винтовка весила приблизительно 15 кило.

Был и запас еды на день-два, чаще же приходилось поститься. Там же и спали в наскоро сделанных шалашах. Слон или слоны, обыкновенно чувствуют, что за ними охотятся и начинают менять часто места. В его животе, от съеденной в большом количестве травы, идет все время страшное урчание, слышное довольно далеко. По этому шуму определяется, что слон еще не заметил беды. Как только он, что либо заметил и насторожился, бурчание немедленно пре-

кращается и может не быть многие часы. Как слон это делает, Жак не мог понять. Вообще же слон живет в своем округе, километров 30-40 в диаметре. Бывают одиночки, чаще старики, но обычно идут группой по 30-60-80 штук. Когда идут, то идет страшный шум и треск — это они идя, ударяются, чесавшись о деревья и ломают их. Когда же надо, могут идти поразительно быстро и бесшумно. Они как бы скользят в лесу, как в воде или тени. Это получается у них от того, что ступни их имеют под кожей особые желатинозные прокладки. На них он и двигается, как на подушках.

По шуму и находят же их обычно охотники или по следам и очень точно знают по ним сколько времени прошло после их прохода и как далеко они ушли.

У слона есть свои определенные привычки. В этот час он ест, в такой то моется и пьет, в такой то валяется, как свинья в грязи и тем уменьшает зуд бесчисленных паразитов, клопов, вшей, что гнездятся в складках его кожи. Здесь ему помогают белые птицы с длинным клювом (пикбеф). Они сидят всегда на слонах и следуют за ними повсюду — чистят кожу и криком предупреждают об опасности. У Жака получилось впечатление, что это был несчастнейший зверь, все время гонимый судьбой. То ему жарко, надо вставать и идти прятаться в чащу. То холодно, то голодно, то надо пить, то купаться. Для всего этого идти километры и километры. Было и много болезней, вплоть до зубной боли и их флюсов. Тогда он, как и в любовном исступлении был очень опасным и искал в своем раздражении случая задраться с кем попало. Вообще же был спокойным и миролюбивым. Не стреленный ни разу, подпускал очень близко. Жак часто любовался, как заботливые матери кормили и ухажи-

вали за своими детьми, а случалась, когда те, разшалившись, начинали проказить и убегали далеко, то, мамаши пороли их взятыми в хобот ветвями.

Убить слона не легко. Надо стрелять наверняка в голову, в точные места. Надо стараться попасть в мозг, а он у него удивительно маленький, как хороший кулак величиной, да еще находится прикрытый костью до 20-25 см. толщиной. Вот почему и бывало, что в Европе, например, целая рота стреляла по слону и убила, только случайно, через пол часа разстрела. Все эти стрелки били в «массу» и в «неопасные жизненные центры».

Если слон только ранен, то сразу бросается на выстрел. Здесь дело могло принять очень плохой оборот. Настигнув охотника, он топчет его ногами, что при весе зверя в 3-4-5 тонн, обозначало для человека верную смерть. Хоботом, как Жак раньше считал, слон никогда не действует. Наоборот, он, его боязливо закидывает, в опасные моменты, назад. Слон отлично знает, что ему, если хобот поранят или отрежут, — больше не житье. Ведь все делается при его помощи: еда, питье, чесание и проч. все, буквально все. Это самый нужный и незаменимый для него орган. Размер следа его ног доходит до 60 см. в диаметре и опытный охотник сразу определит самка ли это или самец и сколько весят его клыки. За этим, нужным ему слоном он и будет идти, когда нужно, несколько дней.

При охоте можно стрелять и в коленныя чашки, любой ноги. В природе слон не может двигаться даже на трех ногах, а в цирке научается передвигаться на двух. Лежащего гиганта можно тогда добить вторым выстрелом.

Остатки стада начинают невероятный рев и поиски врага. Здесь нужно быть очень на чеку. Они вихрем носятся по лесу во всех направле-

ниях и никакой пощады охотнику не будет. Если не хотите убить второго, то лучше всего прятаться в корнях (контрафорсах) деревьев, или лезть по лианам на достаточную вышину дерева покрепче. Раз Жак просидел весь день на дереве, а слоны сторожили его внизу. Можно было спасаться и следующим способом, как делали негры. Когда разъяренный слон несется на охотника, тот допускает его, буквально на 2-3 метра, а потом прыгает в сторону (как в боях с быками в Испании). Слон, не замечая его, проносится дальше. Но для такого способа надо быть очень хладнокровным, опытным и спокойным охотником. Ловить слонов разными капканами и сложными и искусными приспособлениями, претило Жаку. Большинство этих ухищрений только ранило зверя и доставляло ему лишния страдания. Да и по своей натуре Жак считал, что зверю надо было дать шанс в этой борьбе за жизнь, а то получалась вроде битвы Давида с Галиафом: у одного были меч и палица, а у другого револьвер (праща) и быстрота молодых лет. Исход не мог быть другим, но равенства оружия, так обычно требуемого при состязаниях, конечно не было. Один из охотников с Жаком отправлялся домой и посылали оттуда людей за мясом.

Охота на гиппопотамов была проще и не доставляла такого удовольствия и нервного напряжения. Надо было просто сидеть на берегу в нужном месте и ждать, когда морда высунется из воды для дыхания. Стрелять надо было между ушами. Если был промах, ждать второго подъема. Тушу вытаскивали, иногда, несколько дней позже, отнесенную течением довольно далеко, когда она всплывала, т. к. убитый гиппопотам сразу тонет. Как бы ни протухло тело, все съедалось черными с восторгом и без болезненных последствий.

Встречались там и газели всех сортов и антилопы, до огромных «коба», с хорошую лошадь величиной. На этих больше охотились ночью с лампой или на приманку криком. Черные были большие мастера для этого. Жак часто учился различным системам охоты, которые применялись неграми. Они обнаруживали очень большое знание привычек животных и приспособлялись к ним.

Боа часто убивался остроумным способом. Заметив его постоянную дорожку по которой он лазит, на ней вкапывался остро отточенный нож острием вверх. Боа, доползая до него, ранит себе живот и от боли лезет скорей и разрезает кожу во всю длину. Пятиться назад не умеет ни одна змея, а двигается только вперед.

Один раз, идя бамбуковыми зарослями, Жак услышал страшную пальбу шум и как бы битье в барабан. Насторожились и его спутники. Оказалось это клан горилл развлекался в этих зарослях. Им нравилось ломать бамбук — производить эти выстрелы и в возбуждении от этого всего они били себя лапами по груди.

Жак, по совету черных, близко не подходил и не стрелял, но ясно видел как они «развлекались». Гориллы были еще в лесах, но становились большой редкостью.

Завелось дома много ручного зверя и все это в большинстве свободно бегало около жилья, или сидело на цепи. Начал Жак приучать и змей, выдернув у них ядовитые зубы, но потом бросил это, т. к. «ручная» приманивала ночью «диких» других. После того, как он нашел около своей кровати четырех свернувшихся в кольца чужаков, то решил, что «игра не стоит свеч». Спасло его только то, что он спал всегда под «мустикером» (сеткой от комаров), хорошо подот-

кнутым под матрац. Позванные бои прикончили и ручную змею и гостей ее.

С хозяином отношения очень наладились и перешли в крепкую дружбу. Это явление редкое, т. к. жизнь вдвоем, всегда вместе, да еще в жарком климате, кончается часто сильным разладом и руготней и работа кончается.

Выручал покладистый характер Жака и его трудолюбие, что нельзя было не оценить.

Подошел второй ливернаж (период дождей). Послушная река, разлившись, подняла стволы. Тяжелыя породы, тонущие в воде были привязаны к легким деревьям. Все поплыло вниз. Это требовало много внимания, особенно на отмелях и перекатах, но все сошло благополучно. За день до прибытия в порт, хозяин оторвался от каравана и поплыл вперед на пироге, налаживать прием и сдачу.

Оставшиеся по дороге занимались охотой, на этот раз на крокодилов. Подстрелили нескольких ночью при свете лампы. В животе у одного нашли большой мужской медный браслет, след его разбойной деятельности. У другого желудок был полон острейшими иглами дикообраза. Как он его умудрился проглотить и как не поранился иглами, было непостижимо!..

Удалось подстрелить и такое редкое, вообще, животное, как тюлень-ламантин. Эта разновидность с хорошо развитыми грудями и усатой рожей бывает двух видов. Маленькие и огромные до двух тонн. Это была небольшая и сразу же была съедена, как очень лакомое блюдо.

Подошли к устью реки. Здесь их встретил хозяин. По его грустному лицу было видно, что то произошло. Оказалось, что цены на дерево страшно упали (опять игра на бирже в Европе). Заработок был, но далеко не тот, на который расчитывали.

Погрузили дерево на параходы, расчитались и увидели, что долго сидеть в городе не для чего. Жак уговорил патрона «не безумствовать» и, после одного скромного «вечерка у Мими»,— отправились снова рубить лес домой. Деньги остались на счету в банке, а часть в распоряжении Мими.

На новом месте решили разделиться. Жак на одной стороне реки, а патрон на другой, немного выше. Теперь они работали, как члены одного общества, на равных началах. По опытности Жак мог равняться старому дровосеку.

Прошел год, однажды прибежал шеф одной группы рабочих и объявил страшную новость: уже второй день, как патрон исчез в неизвестном направлении. Ушло с ним трое охотников и никто больше не вернулся. Немедленно пришлось бросить всю работу и отправиться выяснять в чем дело. Только на четвертый день удалось найти следы. В лесу это не как в пустыне, где по кружению коршунов (шароньяров) можно за десятки километров определить, где лежит труп, или падаль. Здесь в лесу только опытный следопыт найдет нужный путь, да и то не сразу. Выяснилось, что раненый, разъяренный буйвол, разорвал грудь хозяина и сильно изувечил его. Как могло это случиться с таким опытным охотником и стрелком как он? Вероятно он был в каком то забытьи или сильно усталым, или заболел. В ружье оказалось неиспользованных 4 патрона (маузер), в револьвере тоже, который был зажат в руке. Труп уже сильно был съеден зверями. Охотники, вероятно, от страха перед ответственностью, исчезли, что не трудно было сделать для них. Искать их, конечно, не было смысла.

Завернули остатки в простыню и, запаяв в цинковый ящик, Жак отправил все с особым

рапортом и особой пирогой на ближайший административный пост.

Там ни чему не удивлялись, привыкнув к подобным событиям. Остатки осмотрел, без удовольствия, врач и они были похоронены. Рапорт обо всем пошел в столицу.

Пришлось Жаку все вести самому — обе работы. Месяц здесь, месяц там. Пришел и ливернаж. Все шло по знакомой дорожке. Прибыли в порт. Мими на первых порах погоревала, потом помогла все наладить и устроить. Цены на дерево были опять высокими. Получилось, что то фантастическое в смысле заработка. Обнаружилось и другое. Было найдено завещание хозяина. В нем, очень толково и рассудительно патрон писал, что чувствуя свою старость, не хочет, что бы его деньги пропали в случае смерти и просит Жака принять их, как подарок от него. Что он его полюбил и очень горячо советует исполнить его просьбу: немедленно, все ликвидируя уезжать в Европу.

Жак все это выполнил. Подарил «имущество» черным, часть продал и с первым же пароходом, действительно миллионером, отправился на родину. Здесь показалось ему все другим и чужим. Все не так, как раньше. Главное же все было, как то тесно. Того нельзя, то запрещено. Нет леса, нет охоты, нет привольной, безконтрольной жизни и привычного послушания. А он привык отдавать короткие приказы и требовать абсолютного повиновения.

Франция была не для него. Купив билет он отправился в Южную Америку, где казалось ему, условия были более подходящими для дела и его энергии.

По честности, он не хотел нарушить волю компаньона и в Африку ему по этому была закрыта дорога. Там, в Южной Америке, он и

нашел применение для своих способностей и предприимчивости и растворился в этой огромной стране.

«ДЕДУШКА»

Я был назначен районным врачем в небольшой городок Сенегала в 50-60 километрах от Дакара, в 1931 году, начал мой приятель, доктор, свой рассказ.

Белых было мало и я посвящал свое свободное время, главным образом, охоте. Нужно отдать справедливость, что хождение по знакомым и постоянное питье аперитивов, когда аппетит и так хороший, не по моей части. К этому я так и не привык никогда, за что, вероятно, меня и прозвали в той местности (ко всему остальному) — чудаком («мабуль»). Свободного времени, правда, было не так то уж и много. Знаменитые восемь часов рабочего дня, ведь, для нас, докторов, не писаны. Так же не приходило, в те времена, нам в голову, что врач может бастовать, или сидеть с скрещенными руками и смотреть, как страдает больной и не оказывать ему помощь, под тем или другим мотивам. В те времена наша корпорация была еще отсталой и «клятву Гипократа» исполняла точно и охотно.

Утром — амбулаторный прием всякого народа со всевозможными болезнями, вплоть до чумы, иногда; проказы, тифов и проч. Вечером, а часто и на несколько дней разъезды по окрестностям, по деревушкам в борьбе с малярией, местной, постоянной чумой и проч. эпидемическими заболеваниями. Осмотры хижин, контроль профилактических мер по борьбе с желтой лихорадкой, борьба с крысами (чума), блохами, сусликами... Надоедали в большом количестве

всякие прививки и вакцинации населения, в возможно большом количестве. Сегодня одно, завтра другое и так все время. Все эти шишки валились на бедного Макара со всех сторон. Скучать не было времени. Для разъезда был в моем распоряжении особый автомобиль-камионетка с шофером негром. Шофер этот по своему происхождению принадлежал к особому роду негров, разделенных французской администрацией искусственно на две части Одна (привилигированная) родившиеся в 5 главных городах (Коммунах) — Дакар, Сан-Луи, Горэ, Руфиск и еще одна, что забыл имя, считались равноправными французскими гражданами, со всеми вытекающими от этого правами. Другая, родившиеся вне этих городов — назывались индижен, а не ситуаен, т. е. граждане последнего сорта со всеми и всякими затруднениями и неприятностями. Например, гражданин, отбывал военную службу, как француз — полтора года, индижен три года, а чаще всего и значительно больше. Гражданин мог ехать во Францию в любое время, как француз, а другой нет. И много было всего этого, иногда, просто доходило до абсурда. Один брат был гражданином, если мать догадалась родить его в городе, а другой нет, родился вне черты этого города. Граждане, как правило, были чрезвычайно наглы и заносчивы и постоянно тыкали всем своей породой. Иметь их у себя на службе было очень неприятно и даже опасно из за всяких скандалов, которые они же провоцировали.

Мой шофер принадлежал к этой категории людей, да еще на особом, высшем положении. Его родственник был некий депутат — Мамаду Диоп. С ним французы, той эпохи, страшно цацкались и его слово было закон. Защита родственников, и не родственников, во всех случаях была им полностью обеспечена. Всякие мелкие,

ничтожные скандалы раздувались ими в огромные, государственного значения события, все для того, чтобы показать белым, что мы, мол, равны и теперь наступили другия времена, а эпоха «рабства и бесправия» прошла. Демагогия процветала во всю. Другой депутат — Галанду Диуф был тоже хорош, но калибром поменьше и не такого влияния и значения. Первым конем шел Маманду. Так вот, пользуясь своим положением, ближайшего родственника, мой шофер — Мусса Диоп, творил, что хотел. Грубил всем, кому хотел и ругался со всеми. Все сходило ему без последствий. Администратора городка ставил ни во что, и что говорится, плевал на него с птичьего полета, да, к тому же и очень обильно.

Был известный вор всего и покоритель черных сердец. Мои отношения с ним были простыми. В таком то часу едем туда то, для того то. Где брал он бензин и как за него отчитывался, меня все это не касалось. Все эти разговоры с криками и угрозами и большим хамством велись у него с администратором. Администратор, некий господин П. был известен, «как подлиза перед черными» и благодаря их протекции расчитывал на повышение и карьеру, как свой. Были за ним и другие дела, о которых все знали и другого выхода, по правде, у него не было, как ставка на черных и их вождей. Особенно нашумело одно дело со смертью «Марабу» (мусульманского епископа). Он скончался в своем доме, дом был опечатан до выяснения и приезда многочисленных родственников. «Марабу» был колосально богат, получал, от своих духовных сынов, приношения в изобилии и эти подношения хранил у себя, просто в мешках, из под сахара, разложив по купюрам одного достоинства. Мешки эти были в большом множестве в его доме. Когда приехали родственники и печати с дверей были

сняты для осмотра и инвентаря, то мешки оказались набитыми соломой и трухой, а денег ни сантима. Считалось, общественной молвой, что там было не меньше 4-х миллионов франков. Сумма огромная по тем временам и вполне вероятная.

Они попали, по слухам, администратору. Ключи и печати были только у него. Каждый год его очень вежливо поздравляли в местных газетах и желали ему найти потерянные деньги «Марабу». Были и еще и другие дела—с постройкой мечети, по завещанию другого богача и пр.

С моим шофером у нас под конец установились «хорошия, нейтральныя отношения» — я дал ему понять, что делать в свое свободное время он может, что хочет — это меня не касается. Что же касается службы, то это другое дело. Она должна быть исполнена. Ведь при «невезении», без свидетелей, могут произойти несчастия, а особенно с лицом, и это совершенно излишние осложнения в нашей с ним жизни Что, мол, я ему не администратор.

Таким образом был установлен «модус вивенди», удобный для обоих и мы путешествовали «дружно и мило». Перепадала ему и кое-какая мзда за всякие мелкие услуги для меня и моих знакомых, особенно по дамскому вопросу, по которому он был большой спец и знал всех во всей округе.

Однажды (несколько месяцев позже), когда все шло без задоринки у нас с ним, проезжая мимо какой то деревни, он спросил меня, не хочу ли я повидать и познакомиться с его «дедушкой». Этим именем, обыкновенно, все негры называют своих родственников, почетных старцев, или, вообще, старших в роде. Я спросил его, а кто же это? — Гран — Марабу Диоп!» (Мусульманский архиепископ). Таких больших Марабу

(Муфти) было два во Французской Западной Африке. Один в Судане, а другой здесь в Сенегале. Я знал об этом и знал это имя.

Наш был особенно знаменитым и пользовался славой большой святости и способностью творить чудеса. Много раз бывал в Мекке и пользовался большим уважением у французской администрации. Все в округе зависило от него. Это был «царь народов и жрец» с непоколебимым авторитетом и властью... над жизнью и смертью своих единородцев и подданных. Выяснилось, что это действительно был его «дедушка от одного отца и матери», а не только однофамилец или шеф этого клана Диопов. «Дедушка знает о тебе, доктор, и будет доволен поговорить с тобой». Ясно, что меня заинтересовало, да и было полезно, не только для меня лично, но и для службы. Он своим авторитетом мог много помочь, но и напакостить, если бы захотел. Были случаи, что по его просьбе, смещались чиновники.

Мы поехали к нему. Автомобиль подкатил к большому глиняному забору, аккуратно и по линейке сделанному и выкрашенному известкой. Все было вокруг чисто подметено и у дверей болталось много народу. Уже подъезжая, я заметил, что рожа моего возницы, как то изменилась и приняла более благонравный, постный вид. Он как то подтянулся и оправился. Ага, подумал я, идешь, прохвост, на исповедь! Вылезли из машины. У шофера башмаки и пробковый шлем с темными очками остались почему то в машине. А раньше он никогда с ними не расстовался ведь это служит у «граждан» первым признаком их происхождения и достоинства.

Вошли в ворота-дверь перед нами был очень чистый большой двор, посыпанный чистым песком — там было много народа. Шофер стал на колена и так подвигался вперед—я рядом с ним

шел, здороваясь со знакомыми черными. Вошли во вторую дверь — там двор был поменьше, но тоже чистый — народа меньше и тише. Шофер стал на «четыре ноги» и, наклонив лицо к земле двигался медленно вперед. Я с ним, медленно, иду дальше. Потом попали в третий двор — небольшой и где совсем было мало людей, все больше седовласые старцы в зеленых чалмах. В глубине, в тени, и под опахалом сидел почтеннейший старик с умным и благообразным лицом. Шофер, запахавшись рожей в песок, змеей подполз к «дедушке» и замер у его ног. Вместо привета (а может быть это был особый вид родственной ласки или любви) его огрели довольно большой, суковатой палкой по спине и голове, что довольно гулко было слышно, Видимо, дед достаточно был осведомлен о художествах внука. На битье внук не реагировал никак. Разговор со мной пошел на французско-местном языке (уолоф), на котором я начал уже довольно сносно объясняться. Что, мол, от его внука—моего шофера я узнал о нем, а, особенно от других его подданных и духовных сыновей, много хорошего, о его святости и проч. и, приехал познакомиться с ним. Он ответил, что тоже наслышан обо мне и благодарит за все, что я делаю для его черных, и, что всегда могу рассчитывать на его помощь и он с удовольствием все для меня сделает. Старцы вокруг одобрительно кивали головами, но хранили почтительное молчание. Потом разговор перешел на его болезни и болезни его многочисленных жен и детей. Потом он спросил меня доволен ли я его внуком?—Здесь опять пара ударов пришлось по спине моего ричарды. Я ответил, что вообще, да, но, что жаль, что он имея такого деда, поскудно, для мусульман ведет себя — пьет, безобразит, дерзит и пр. грехи его, известные мне, вылезли на сцену. Что мне,

конечно, его очень жаль, т. к. парня можно было бы привести в порядок, но что делать мне с ним? Он французский гражданин—Французской Республики, за него все законы и сила, а сам я что? — ничто! Потянет он меня в суд и мне же будет хуже.

Надо было посмотреть тут на «кроткого Муфтия» — он просто озверел. Палка заходила в его руках, как мельничное крыло. Было видна в его действиях большая практика и сноровка. Устав, он передал ее одному из присутствующих, который немедленно, из послушания и любви к святому отцу, принялся доколачивать грешника. Старец шипел: ага, пьет, в мечеть не ходит, не молится, паскудит, делает долги, доктора не слушается!.. Так я тебя знать не хочу. Я тебя дарю подлеца, доктору. Обращаясь ко мне сказал — я его тебе дарю, делай, что хочешь с ним!..

Новый раб, что лежал не пикнув, мордой в песке и все сносил не протестуя, так же личиком в песке, передвинулся ко мне — я сидел рядом со старцем, — взял мою правую ногу и поставил ее себе на затылок. Древний обряд на этом не кончился. Мне пришлось его, правда символически, по указанию присутствующих огреть пару раз, той же палкой по спине. Все это французский гражданин в «самой свободной, демократической страны в мире» выдержал стойко и продолжал лежать во прахе. Прошло еще несколько минут, все успокоилось и я стал прощаться. Прошли все три двора, а раб прополз их по своему ритуалу и мы сели в машину.

С этого дня он стал моей полной собственностью. И не только он, но и его жена и потомство, настоящее и будущее. Все деньги и заработки, вплоть до чаевых, приносились аккуратно мне. После опроса и их распределения — тому вернуть долг, тому заплати за одежду, это

жене на еду и т. д., я соблаговолял остатки отдавать ему на руки. Его поведение резко изменилось к лучшему, правда, я следил за этим и, первое время, палка, по дедушкиному примеру, ходила исправно по его спине. Я старался, по деликатности, делать это не при свидетелях, что бы не губить его престижа шофера, но по роже лупил его несколько раз и в присутствии самого администратора, который абсолютно ничего не понимал и приходил в ужас. Да и как можно было понять это?

Его, французского ситуаена, в присутствии начальства — администратора округа, судьи и главы всех начальств, бьют, а потерпевший не жалуется и робко стоит да еще благодарит за науку. С другими он себя вел, как и раньше, даже более вызывающе. Это, мол, мои дела с доктором, а вы, уж только, смотрите, я все тот же! Из злорадного чувства, я даже поощрял его дерзости администратору. Это, ваше дело, правительства, разводить глупости, а я, бедный беженец, что могу делать здесь, я не начальство, в политике не понимаю ничего, а если мой шофер не жалуется, то значит доволен и не судье в это вмешиваться.

Со мной он всегда разговаривал снимая шапку и безукоризненно держал себя. Когда меня перевели в другой город, он немедленно спросил, должен ли он бросить место свое шофера и идти за мной. Ему было разрешено остаться и только раз в два месяца приезжать для отчета в своем поведении. Что и делалось до моего отъезда в Европу в отпуск. Во время моего отсутствия он приходил с отчетом к моему брату, т. к. по правилам, моя власть в отсутствии моем переходила на родственников.

Когда, через шесть месяцев я вернулся снова, но назначен был в другую колонию, он, узнал

об этом, явился на пароход и спросил, что должен делать. Ему разрешено было остаться там, где он был.

Вот и вышло, что не знаешь, где посеешь и что пожнешь. Показал «деда!» Но, думаю, что для него все же было к лучшему, т. к. я был не плохой его хозяин и, уверен, что слезы его при прощании со мной были, может, даже искренние.

Рабом моим он остается и по сей день, т. к. «на волю я его не отпускал». Принадлежит мне и его потомство. Уверен, если он жив и, если я попаду в Сенегал опять, он немедленно явится ко мне со своим очередным отчетом за прошедшее время.

Рабство в том или другом виде существует в Африке и по сей день и будет существовать еще столетия. Перемена правительств, протекторатов и всяких демократий на это не влияет. В свою внутреннюю жизнь негры не охотно пускают белых и обычаи их меняются очень медленно и уживаются с новыми идеями идя паралельно, иногда, в очень причудливой форме.

МУНИНА ДИКО.

Появилась она в первый раз рано утром в сопровождении своей приемной матери, державшей на руках очередного младенца от очередного какого то мужа. За платье, вернее, кусок материи, темно-синего цвета, с сильным запашком бязи, с пятнами от пота, еды, масла с волос и еще какой то дряни, держалась девочка, лет пяти, тоже очередная дочка, но какой то предыдущей серии. Материя, хозяйка ея, дочка — все было посыпано густо порошком синьки, которая сыпалась с них при движении. Дети часто менялись,

не выдерживая «режима жизни» и на их место становились очередные, подросшие для этого жертвы и так же держались за подол материи. Сколько их, детей было у нея, сама М'Барке не знала и даже потеряла им счет. Появлялись они в разных местах и в разных местах же умирали от различных детских болезней, а главным образом от «безкормицы». Сама же М'Барке была на редкость толстая от чего и слыла в своих кругах неотразимой красавицей. Правда, лицо ее было сильно попорчено оспой, что, впрочем, не вредило ее красоте и обаятельности «Ведь с лица, не воду пить!»

Слыла она за очень умную женщину, умевшую хорошо устраивать свои дела. Лет ей было под 35-40, так как она выглядела, но, вероятно, была моложе — ведь в Судане женщины, вообще, стареют быстро, как и на всем Востоке. На шее у нея висело много бус, ожерелий, амулетов, заклинаний (гри-гри), разных лекарственных снодобий, шнуров, на которых были привязаны сумки из очень грязной, затасканной кожи с деньгами и всякими драгоценностями, так необходимыми для каждой порядочной мавританки. Ими она иногда торговала или меняла на другие и всегда довольно выгодно. Был тут и большой запас всяких «духов» мазей и притираний, так любимых и нужных в домашнем обиходе любой женщины и не только восточной. У М'Барке язык был хорошо подвешен, речь текла гладко с красивыми убеждающими жестами и общество ее было ценно для всех. Она всюду была желанным гостем. Появлялся обязательно «мавританский» чайник (оловянный, сделанный в Англии), засыпался чаем с мятой и под обильное питье чая шли разговоры обо всех новостях и событиях. Давались советы от всех бед и несчастий, расказывались сказки и легенды. Время шло незаметно и приятно.

В данный момент она была сильно озабочена, пристройством своей опекаемой, которая, по ее мнению и мнению «окружающего света» была уже достаточно большой и должна была быть пристроена за хорошим человеком. Хотелось бы передать ее какому-нибудь белому, т. к. тогда автоматически отпадал бы вопрос с приданным. Настоящий мавр, или на худой счет, черный на это без такого условия не пошел бы. Богатые коммерсанты, сирийцы, уже все имели своих жен и дома на стороне, и потому выходили из круга ее наблюдений. Приезд нового, холостого администратора давал много надежд для выполнения плана, предприимчивой М'Барке. Она о приезде была предупреждена своими подругами, принимавшими участие в ея заботах.

Правда, пришлось для этого пройти пешком около 400 километров, но это небольшое расстояние для женщины синих-мавританцев (из-за привычки посыпатся синькой они так называются), кочующих с покон веков и всегда по разным направлениям огромной страны, абсолютно ничего не значило.

В пути попадались знакомые, — с ними дорога была незаметнее, потом М'Барке пристала к очередной группе мавров, шедших в том же направлении со своими стадами, женами, быками, детьми. Еды, таким образом, было вдоволь. Потом попался знакомый шофер на камионе, принадлежавшем большой торговой компании, везший всякий товар. Ей с детьми было разрешено, за небольшое дамское снисхождение на остановках, залезать на самый верх, раза в три превышавший рост камиона, и уже самой следить за тем, чтобы оттуда не свалиться со всем своим потомством во время бешенной езды по ухабам и кочкам и в полной тьме от пыли по дорогам Северной части Французского Судана. Время

пролетело молниеносно. В дороге никто не потерялся и все семейство прибыло в город. В большой, второй столице Судана, Кае, разделенном рекой Сенегалом на две части, у М'Барке было много знакомств и вопрос еды и крова был полностью разрешен для всех.

Слух подтверд ился. Администратор, был холост и даже наводил справки, нет ли чего подходящего для него, по преимуществу среди мавританок. В предыдущем «сежуре» (так называется два года службы в Африке — потом следует за этим отпуск в Европу) его службы в Габоне ему не повезло. Были только черные муссо (временные черные жены белых в колониях). Попались они, как то неудачно и ему хотелось посмотреть, что будет с «арабками», о которых он столько слышал хорошего от своих друзей «мегеристов» (военные, имеющие вместо лошадей, верблюдов. Служат, главным образом в Сахаре).

Сговорившись, через верных посредников, а без этого ничего не делается, о времени встречи, М'Барке со своей кандидаткой, одетой по правилам своего племени, в куске синей материи, в котором по середине была прорезана дырка для головы, посыпанной густо синькой, надушенная амброй и другими неизвестными снадобьями, с волосами, обильно намазанными коровьим маслом, в открытых бабушах на ногах, предстала в воскресный день перед администратором.

С М'Барке мы уже знакомы, девочку «невесту» он увидел лет 7-8-ми на вид. На самом деле ей было больше — 9 или даже 10 лет. Точно никто не знал, за ненадобностью. Была она миниатюрна, хорошо сложена и крепкая на вид. Кожа, где это можно было видеть из-за синьки, светло-коричнего цвета. На пляжах в Европе, летом, часто можно видеть такой цвет. Лицо правильное, чисто мавританского типа, с гордо

посаженной головой, от привычки все носить на ней. Глаза смотрели прямо, без страха и вошла она свободно и не боязливо. Груди, что было видно, через прорез материи, полностью отсутствовали. Общим своим видом, девочка производила приятное и симпатичное впечатление.

«Ин тессему бути» (как тебя зовут, крошка?) — «Мунина Дико».

«Откуда ты?» — «Из Сахеля» (южная часть Сахары).

Начался разговор и питье сиропов с водой и печеньями, для всех прешедших, а потом чая с мятой. Удивленный «жених» такой молодостью «невесты», не приступал к нужной теме, да и не мог, по правилам, сразу начать ее, не поговорив сперва о всяких посторонних вещах. Спустя полчаса, посредник, Мусса Диара (лев), бывший служащий администрации, «поженивший» и устроивший на своем веку, немало чиновников и, вообще, белых, спросил — подходит ли ему кандидатка? Если же нет — то поищут другую за этим дело не станет! Мунине было приказано снять материю-платье и повернуться во все стороны, что она сделала не стесняясь и с «определенным изяществом». На бедрах у нея была только небольшая повязка. После всего осмотра, было отвечено, что подходит, но... возраст?, ведь это уголовное дело!.. Неразвившаяся девочка... На что было пространно объяснено, что здесь все так женятся, чтобы жена успела хорошо и легче привыкнуть к новым правилам и привычкам дома, языку, еде, следить за боями и проч. Молодые девицы имеют больше почтения и больше послушны и менее капризны, чем опытные, старые женщины и не имеют своих, приобретенных, плохих привычек, так характерных для женщин. Что касается общей телесной неразвитости, то сам чиновник поразится, как девочки

быстро выростают и хорошеют после начала своей брачной жизни. Это давно известно. Если же она очень молода, скажем, 5-6 лет, то сперва приучается в доме мужа и приживается в нем под присмотром старших жен, всему учится, а через год два делается настояшей женой. Так всегда было здесь и не чиновнику менять эти обычаи, так удобные для всех. Было высказано много всяких советов о еде, от которой быстро полнеют и делаются красивыми, об отпусках к родным, в мечеть, часах молитвы, обязательной для всех мусульман и проч. проч.

Сдавшись на убеждения и уговоры присутствующих, боя, повара и их жен включительно, будущий молодожен, дал согласие. Начались переговоры о выкупе. Это был самый главный вопрос для М'Барке. После долгой торговли (а без этого нет и смысла, ни интереса ни в каком деле, а особенно в этом, о чем знал давно и Марсель), было условлено, что: если девица девственница в чем все ручались полностью, то выкуп будет 300 франков. В противоположном случае будет взнос только 200 франков. Кроме этого подарки материй «драгоценностями» сиропами, бабушами и проч. инвентарем для М'Барке, посредника и по желанию для невесты. Когда все было выяснено — так часа через три «палабра» — споров, выпитых трех бутылок сиропа и двух больших чайников чая очень сладкого с мятой — ударили по рукам. Долго держали их вместе в рукопожатии, чтобы всем было видно, что сделка совершена и контракт-обязательство подтверждается. Потом посредник развел руки и т. о. договор полностью закончен и утвержден свидетелем. Так поступают при всех сделках, с незапамятных времен, будь то покупка верблюда, дома, жены, и т. д. Невеста стояла все время молча, как полагается вела себя скромно и вос-

питанно, что было отмечено всеми присутствующими. Раза два вежливо спросила разрешения выйти, что было понятно из за огромного количества выпитого. Только один раз под конец, Марсель спросил ее — а она сама хочет остаться у него? На что был ответ, что «да». Ей понравилось здесь, ее хорошо угостили и она видит, что дом богатый. А если бы не хотела то не пришла бы. Это было большое нарушение правил, т. к. невеста права голосовать не имеет, что и было высказано всеми с большим неодобрением.

Уговорились, что сегодня же вечером жена прибудет в дом, часам к 8-9 вечера. День по звездам, хороший и благоприятный для брака — они уже наводили справки. Как все полагается, так и будет все исправно совершено. Расчет должен быть на другой день.

Вечером уже издали слышен был «там-там». Долбили во все свободные бидоны от воды, залихватским темпом, галдели местныя дудки, звенели колокольчики и погремушки. Толпа родственников и любопытных была человек в 50-60, всех возрастов и пола. Она увеличивалась постепенно, подвигаясь к дому. Впереди шла М'Барке прекрасно одетая в новую синию ткань. Ожерелий прибавилось на ее шее раза в два больше. Может быть это было все ее богатство, а может быть часть была взята на прокат. Во всяком случае у нея был вид богатой и знатной матроны. Даже, на удивление, очередной малютка на руках отсутствовал, отсутствовал и ребенок державшийся обычно за юбку — они были оставлены, где-то в палатке знакомых. Она вела невесту под руку. Та была в массе наверченной на нее белой материи, а лицо и верхняя часть тела снова были завернуты в газовые ткани (чем больше ее было, тем считалось лучше). Была невеста еле

видна под всем этим и, казалась матерчатым шаром, катящимся по дороге. Туфли бабуши были расшиты золотом. Сзади подружки и зеваки обоего пола. Все это кричало, пело, приплясывало. Музыканты старались во всю. В такт хлопали в ладоши все присутствующие. Сзади несли «приданное». Целый ряд ящиков, колебас, накрытых другими колебасами, какие то горшки, вплоть до ночных, стулья, кастрюли, каганцы и прочее имущество. Все было на первый сорт, блестело, сияло, как и желал молодожен, для исполнения всех обычаев и привычек, какие были в этой колонии. Шествие подошло к дому Вошли в него только родственники. Здесь была уже приготовлена еда. «Мишвили» — жаренные целиком бараны над ямой с углями, прянности, печенья и пр., а особенно сироп (2 ящика), чай в изобилии (1/2 мешка сахара). Это уже постарался поставить жених. Толпе на широкую улицу была вынесена вода, сиропы с какаветками, поджаренными в сахаре, различныя другия яства, но попроще. До 10 часов шел гам. По правилам бал должен был быть всю ночь, а то и две-три ночи и даже больше — неделю, но здесь в городе, ворчливый, главный администратор старик, приказал не увлекаться и кончить раньше. На беду он жил в своем доме не очень далеко и музыка его беспокоила.

Когда публика разошлась и остались только «свои», обнаружилось, что все колебасы с барахлом были пустыми, стулья и столы, сундуки и сундучки, ящики, материи, туфли и прочие вещи были одолжены в разных местах. Часть из следовавшей публики были наблюдателями за имуществом, чтобы оно случайно не исчезло или не прошло по другой дороге. Невеста, вернее, теперь жена, осталась только в сильно сокращенном белом одеянии. Все лишнее срезу же было

унесено, а так же и «драгоценности», все без исключения. Никому огорчения такой способ венчания не принес. Нужно было показать, что люди венчались богатые, и это было сделано. С теми же носильщиками и в те же ворота все это и ушло.

Утром пришлось все заплатить по уговору, но не 300, а 200 франков. М'Барке не протестовала, вероятно, знала больше, чем говорилось раньше при смотринах. Не был удивлен и посредник. Дело было сделано и с этим пришлось мириться.

Дальнейшая жизнь пошла гладко. Мунина или Бутти (крошка), так она называлась, была, умненькой, с покладистым, веселым, но не рабским характером. Знала себе цену и умела за себя постоять. Довольно быстро установился общий язык из французско-арабских-мавританских и прочих диалектов округа слов. Это даже составляло известную прелесть, получалось, что говорили на своем, непонятном другим языке. Постепенно выучилась говорить и просто по французски. Тут открылись многия вещи из ея биографии.

Принадлежала она к старой мавританской семье кочевников, так называемых синих мавров. Фамилия Дико не принадлежала к благородным родам. Отец ее, храбрый воин и шеф большой семьи по прозванию: Мусса, бен Мусса, бен Ибрагим, бен Юсуф, бен..., бен..., бен..., и т.д., иначе говоря: Мусса, сын Муссы, внук (сын) Ибрагима, правнук (сын) Юсуфа, и проч. сын.., сын.., и дальше до бесконечности, что точно было известно всем и заменяло родословную. Можно говорить и «ульд»—рожденный тем то и тем то, это было одинаково. Погиб отец в одной из бесчисленных военных стычек между своими и чужими племенами и набегами на соседей, но

главное из за старых распрей из за колодцев и воды, так необходимой и насущной в Сахеле (южная часть Сахары). Споры эти, имеющие за собой столетия никогда не замирают. Хотя все колодцы давно распределены между группами, но постоянное кочевание сбивает все расчеты, а воды не хватает, скот, единственное богатство и средство для существования, дохнет. Возникают пререкания, вспоминаются старые обиды и пролитая кровь раньше и возникает бой. Кончатся раздоры только тогда, когда наладится вопрос с водой. Умер отец от ран, полученных в стычке, убив своих двух противников и его праведная душа пошла к Аллаху в рай. Также погибли раньше почти и все ее бен и бены. Ей было тогда 2 года и отца она не знала, а только по рассказам был он ей известен. Это, действительно был могучий герой. Мать умерла от какой то болезни, года три спустя. В жару и бреду, ее с двумя другими больными детьми и одной больной старухой, оставили с запасом воды и еды на неделю в стороне от дороги Ньиоро в Каифа, в скоро сделанном шалаше. Так это всегда делалось с покон веков, как понял Марсель, в целях прекращения, могущей быть эпидемии. Оставив больных, племя немедленно снималось и уходило на 1-2 дня перехода от этого места. Остальное все предавалось в руки Всемогущего Аллаха, «да будет свято Имя Его». Если бывали в пути новые больные, с ними поступали опять таким же способом и шли дальше. Таким образом у нее не было ни прямых братьев, ни сестер, ни в вообще, каких-либо родственников. Она была последней в своем роде. Умерла ли мать ее от болезни или голода, Мунина не знала, но кости ее, как обычно, наверное, растащили гиены.

Имущества своего она никогда не имела, т. к. оно было взято другими, а за скотом она, как

маленькая, не могла ухаживать и смотреть. Все, что осталось от родителей, это ожерелье из янтаря — большой, по ее мнению, ценности, что носит теперь постоянно ея «приемная мать», М'Барке. Марсель позже видел это ожерелье, оно весило три кило, если не больше, и состояло из крупных кусков янтаря, разного цвета. Но ценность в том, что в янтаре находились вкрапленными, засохшими, навсегда, внутри, насекомые, муравьи, бабочки. Были и пятна и крупинки и их рисунок, при особом повороте куска, точно совпадал с созвездием Большой Медведицы, так почитаемой маврами и с которым связано столько легенд. В другом куске были Плеяды, в третьем — что то похожее на лицо и так в каждом было что то свое. Их расматривать доставляло большое удовольствие всем. Кто из предков Мунины их собрал, что не легко было сделать, и когда это было, она не знала. В первый раз она его надела на свадьбу, но М'Барке отобрала его потом обратно.

Дядя ее погиб от заражения крови, сильно пораненный львицей, когда он отбивал от нея свою овцу «мачетой» (большой нож). Львицу он убил. Еще один дядя исчез вероятно погиб, при паломничестве в Мекку, куда он отправился, вот уже годы, пешком на другую сторону Африки с караваном, собранным с разных мест. Так как никто ее не хотел взять к себе, ее подобрала М'Барке и имела поэтому на нее все права матери. Мунина на нее не жаловалась, т. к., по своему, она была доброй.

Была совершенно бесстрашна и не расставалась со своей мачетой—ножем, в кожанных ножнах, висевшем на кожанном же шнуре на шее. Когда было нужно этот нож, молниеносно, появлялся в ее руке. Научилась скоро домашнему порядку и боям не удавалось ничего больше

украсть. Это все сразу замечалось и находилось. Когда злилась, что было редко, превращалась в дикую кошку, с горящими глазами и потоком визгливых слов и способна была на все. Здесь она полностью была «дочь своего народа». Во время «дуэлей» между соперниками, которые происходили по старым правилам и по всякому поводу, с мечами еще иногда из эпохи крестоносцев, с латинскими надписями и девизами с различными знаками на лезвиях, со щитами в другой руке, соперники вели бой, окруженные толпой женщин и мужчин. Это женщины больше всего приходили в азарт — криками и руганью подзадаривали бойцов, корили трусостью, вопили — бей, убей, режь!.. и дико визжали и потрясали руками. Дуэль кончалась обыкновенно смертью одного или обоих сражающихся. Так погиб тоже один из ее родных. В племени не все были равны. Были благородного происхождения, были рабы, были дети рабов и рабынь. Отношения между этими классами были различны. Что можно было одному, исключалась для другого. Во время же опасности все забывалось и все стояли друг за друга одним фронтом.

В новом положении Мунине, трудно было сперва отвыкнуть посыпаться синькой. Это имело большой смысл, как дезинфицирующее средство кожи и тела и избавляло от многих болезней. Ведь в пустыне воды нет, она служит только для питья и без этой синьки все бы были вечно больными, особенно кожа. Конечно, Мунина об этом не знала, но «мудрость инстинктивная ее народа» нашла это средство. Купаться в воде, особенно ванне, привыкла сразу и это доставляло ей огромное удовольствие. Ходила всегда чистой, масло с головы тоже исчезло (это средство было, видимо от насекомых). Появились пудра, духи и она скоро ничем не отличалась от

своих европейских подруг. Раз в месяц ногти красились хеной (красный цвет). Красились губы и глаза. Шились платья и выбирались материи и фасоны.

Знакомясь все больше и больше привыкая, она рассказывала Марселю много легенд и событий, что она знала и что напевалось и рассказывалось по вечерам перед палатками, профессиональными «сказочниками» или черными «грио». (Особая самая низкая каста черных, занимавшаяся переноской сведений, рекламирующая людей, оплачивающих это и пр. такими делами).

Прошли месяцы, она сильно развилась (посредник Диарра, сватавший ее оказался прав в своих утверждениях), выросли маленькие груди, красивой формы, она начала свои периоды, что торжественно отпраздновалось, как вход в новый цикл жизни. Теперь она могла быть матерью, а это большое и важное событие в жизни любого народа. Завелся сундучек с замком, где были сложены, аккуратнейшим образом платья (бубу), платки, ожерелья, бусы, какие то картинки. Все это каждый день примерялось, одевалось, душилось и снова, под негромкое, монотонное пение укладывалось обратно. «Дочерью Евы» она была, как и другие.

Очень была оживлена, когда появлялась ее подруга, тоже из Сахеля, девица лет 8-ми — Фатима. Они росли вместе и были дружны. Фатима была тоже сиротой. Мать ее убили во время налета и тот же удар саблей, что попал по ее голове, потом концом разрезал всю щеку и у годовалой дочьки. Щека от этого была как то подтянута к верху. Жила она с дедом и торговала для него молоком, разнося его в большой, грязноватой, круглой, деревянной миске на голове. Когда приходила Фатима, криков, щебетания, выразительных жестов было без конца.

Однажды Марсель застал ее в большом горе и растерянности и слезах — появилась М'Барке из какого то своего очередного рейса и без долгих разговоров забрала заветный сундучек и исчезла снова. Ищи ветра в поле, а мавританца в пустыне.

Пришлось снова покупать новый сундук и снова его наполнять. Для утешения пришлось покупать все лучшего качества и большего количества. Спокойствие и довольствие восстановилось. Дом был объявлен на осадном положении и бою и повару был дан приказ: гнать воровку, М'Барке, в шею и не пускать в дом! Никаких вещей не выдавать!..

Завелись новыя знакомства. Муссо директора местной школы, особенно подружилась с Муниной и стала ее опекать и учить всему, как маленькую подругу. Началась постоянная беготня туда-сюда. Все время были какие то вопросы и проблемы. Мунине было разрешено присутствовать в школе на уроках. Открылся для нее новый мир. Сильно продвинулся ее французский язык. От муссо же научилась она всяким «тайнам любви и привычкам белых». Научилась немного шить, а главное, нанизывать бусинки в различных цветовых комбинациях и узорах и делать ручные и ножные браслеты и другие вещи. Делалось это по старым традициям, но с примесью личного вкуса. Делала игрушки из воска и тряпочек и палочек. Она по долгу с ними играла, а особенно, когда появлялась Фатима.

Научил ее Марсель есть и держаться за столом, подавать и услуживать гостям, когда они приходили. Могла даже «поддерживать разговор» и отвечать на шутки.

Особой радостью были турнэ, когда в автомобиле надо было ездить на различныя ревизии. Поездки на север в Сахель, были прекрасны.

Виделись свои, родныя места, а главное, можно было показать себя в полной красе и могуществе.

В городе она знала всех и всю подноготную. Это был своего рода справочник. Дом стоял на дороге к главному базару и пара слов здесь, пара рассказчиц тут, и так целый день, выясняли всю обстановку. Этим, Мунина тоже не отличалась от европейских дам.

К Марселю она искренне привязалась и говорила, что «ты мой муж, папа и дедушка». Что обозначало, что он полностью принадлежит ея семье. О будущем никогда не задумывалась, так как это все уже давно записано и предрешено в звездах Аллахом. Будет то, что будет — Иньш Алла! Регулярно ходила в мечеть и делала исправно свои молитвы 5 раз в день. Мыла руки, клала молитвенный коврик и положенные поклоны.

Однажды боа, через трубу из реки заполз в уборную и стал опрокидывать стоящие там бутылки и вещи. Произошло это ночью. Мунина услышала это первая, без страха вскочила туда, отрубила своим ножем голову и вытащила змею на двор. Она была длиной в 4 метра 60 см. Утром позван был, проходивший мимо знакомый сапожник, Мамаду. Он потащил боа домой, с условием сделать пару туфель—бабуш, что и было исполнено. На охоте смело бросалась дорезывать, раненную дичь, т. к. не могла бы ее есть, как не убитую рукой мусульманина.

Необычайный фурор вызвало посещение кинематографа. Он появился недавно и все сходили с ума. Пришлось одеть лучшее платье, шаль, платок, вышитый «сану» — (золотом). Занятно было, что не умея читать, она по интуиции, как и большинство тоже негров, все отлично понимала в действии. Свободные поцелуи на экране при всех, страшно щокировали ее и казались

верхом разврата и неприличия. Хождение в кино стало привычной обязанностью при каждой перемене пленки. Была забыта даже «сенегальская борьба». Она заключалась в том, что два черных берутся за руки и с силой, притягивая себя к друг другу, бьются головами, пока один из бойцов не попросит пощады, или не упадет без сознания. Иногда, отойдя два-три шага один от другого, сшибаются, опять таки, головами. Шум этих ударов в вечернем воздухе слышен далеко и созывает любителей этого спорта на зрелище. Начинают его мальчишки, потом идут взрослые, обыкновенные бойцы, а наконец, выходят прославленные чемпионы. Их имена знакомы всем и, бывает, что на их бой приезжают издалека. Ставятся пари и проигрываются и выигрываются большие суммы. Особенно же действует азарт, кто победит, да и вся сцена борьбы. Мунина была большой любительницей и знатоком приемов и прогностиком конца, но кино отбило это увлечение.

Но, незаметно, прошло время и настал день отъезда в отпуск в Европу. Было предположено, что Марсель, кончив отпуск вернется сюда же, или, если попадет в другую колонию, выпишет Мунину к себе. Были оставлены деньги для прожитья и она должна была жить с муссо директора. Неизвестно как, но М'Барке была осведомлена об всем этом. Мунина была извлечена с криками из дома директора школы. Деньги отняты, исчез снова, сильно распухший сундук со всем имуществом и в тот же день она снова была выдана «замуж» за недавно приехавшего коммерсанта. Этот коммерсант, зная обстановку и обычаи, договорился с М'Барке и даже дал ей, истраченный аванс. «Свадьба» произошла теперь без всякой помпы. Коммерсант не хотел шума, ни огласки. У него в Европе была «не особенно

удобная невеста» и он боялся ее потерять, единственную, богатых родителей дочь. Здесь он только проходил торговый стаж в деле, акции которого имел в большом количестве отец невесты. Кто знает, как бы дело с Муниной не напортило чего нибудь.

Новому мужу не повезло. Заболев, должен был спешно отправиться в Бордо, где долго поправлялся. Мунине он оставил «огромныя богатства» из запаса магазина и, видно, не всегда оплаченныя, — была, даже, швейная машина. Застигнутая событиями врасплох М'Барке не сразу появилась и Мунина без ее помощи, сохранив все вещи, попала к другому коммерсанту, другу перваго, помощнику директора большого магазина. Через год этот тоже уехал. Попал четвертый, потом пятый и т. д.

Последний оказался большой дрянью и наградил ее всякими болезнями и, подлеченная немного и опять попав к М'Барке, потеряв все имущество и «красоту и миловидность и свежесть», она перешла на еще более низкую ступень.

Вернуться скоро пришлось на ту же дорогу к старому своему племени и, с палкой в руке смотреть за тем, что бы козы не разбегались в стороны.

Конец, ее и матери, вероятно был не за горами.

МИНУ.

Дом в который въехал доктор, назначенный на этот пост, после своего полгодового отпуска в Европе был большим и не очень старым. Три большие комнаты мебель, веранда, душ, отдельная кухня недалеко от дома, все огороженное хорошим забором. Сад с фруктовыми, местными

деревьями: папаи, манго, гуявы, лимоны, мандарины и проч. Все по контракту и по категории, к которой он принадлежал.

Предыдущие два года, доктор, провел не так удобно. Жил он тогда в здании старого столетнего форта, времен генерала Федебра, когда еще Сенегал не был полностью покорен. Бывали восстания и небольшия группы солдат были разбросаны по многим местам. Жили они в специально построенных постах - крепостицах. Верхний этаж этих фортов был для жилья, а нижние помещения имели отверстия — амбразуры для пушечек, на все четыре стороны. Стены были толстенными, запасов было всегда много и такой пост мог отстреливаться из своих амбразур, проделанных в толстых же ставнях окон из крепчайшего дерева, и отсиживаться от врагов много дней. В ставнях были видны еще и теперь следы пуль и стрел.

Но, однажды, застигнутые врасплох, вероятно по предательству или небрежности по службе, ночью вся часть (26 человек) была вырезана черными. Ограбив форт, негры отступили. Пришедшей новой частью, убитые были похоронены рядом с постом и с тех пор это место считалось страшным и для житья неудобным. Иногда даже видели, при свете луны, тени солдат, бродящих вокруг и слышались стоны. Доктор ничего не имел против них и жил, отчасти по своей воле, т. к. квартиру ему дали на выбор, в этом историческом месте и другом. Персонал исчезал из него при наступлении ночи и благодаря этому страху, квартиру не приходилась охранять по ночам. Поставленные, доктором, в определенных щелях в доме, пустыя две-три бутылки, при ветре особенно жалобно гудели, а при сильном торнаде (грозе) просто выли. Это еще больше установило веру о привидениях этого мрачного места.

Всяких современных удобств в крепости не было и поэтому новое здание, куда попал теперь тубиб (доктор) казалось верхом роскоши. Но, как и всегда, были и здесь свои минусы. Ведь и на солнце есть пятна!

Предыдущие чиновники, что здесь до него жили, были страшными любителями кошек. Дом и окрестности, форменным образом, кишели ими. Кошки были всех цветов и размеров. Дом считался у них, по старой привычке, своего рода центральным клубом отдыха. Ночью все собиралось сюда и творили свои концерты и собрания до самого утра.

Доктор, вообще, не выносил кошек и здесь, в колониях особенно.

Хороший стрелок, он из мелкокалиберного пистолета довольно быстро сократил их количество, к большой радости черных, которым все отдавалось для еды.

Остальная часть живых, напуганных выстрелами, разбежалась. Время от времени появлялись отдельныя кошки, но спать уже можно было спокойно. В деле чистки доктору помогал некий Александр К. Знакомы они были уже давно и были приятелями. Жизнь его была полна приключений. Будучи сыном «богатых и знатных» родителей, он, офицером, провел всю 1-ю войну и гражданскую. Докатился до Баку, где по контракту поступил в Иностранный Легион на должность офицера. По прибытии в Алжир, выяснилось, что контракт был не правилен и его взяли, просто на должность солдата. В таком положении оказались все. Никакие протесты не помогли, да и не были возможны. Деваться было некуда, пришлось согласиться. Это, видно, была, просто, такая система, особого «надувательства».

Так как Александр знал все главные языки в совершенстве, еще из дому, то попал сперва

в канцелярию, но за всякия проделки и художества, что было у него своего рода спортом, съехал в рядовые, в строй. Одна из его провинностей заключалась в том, что он, желая поправить свои денажныя дела вместе, с одним приятелем, стал заниматься приготовлением русского кваса. Расчет сделан был на то, что в жару все будет выпиваться. Квас получился великолепный — пенился, шипел на славу, стрелял оглушительно пробками и цвет имел обворожительный. Солдаты раскупали его в большом количестве. Подумывалось об увеличении продукции и шли разговоры о новом помещении и посуде.

Но, на беду, началась какая то эпидемия холерины. «Коновал», — врач Легиона, обвинил в этом квас и его фабрикантов. Оправдания и объяснения, что, мол, в других городах, где не было кваса, эпидемия все же была, что это национальный русский напиток, всей России, полезный и питательный, упрямым начальством во внимание не принимались. Квас был строжайще запрещен и изничтожен, а Александр открывший это дело без разрешения, и, за лишнюю болтовню и пререкания, наказан. После отбытия штрафа послали его в дальний пост на границу в безводную местность, полную повстанцами и всякими лишениями. Выжив в тех условиях, отбыв свою службу, вместо 5-ти 6-ть лет (к контракту добавляются дни проведенные не на службе, например, в тюрьме или каком бы то наказании. Тогда же вычитается и жалование, за эти пропущенные дни), и послав, радостно, ко всем чертям, «героический Легион и его гордый девиз», докатился Александр до Дакара. Здесь он поступил на службу чиновником в большой торговый дом. Таких больших торговых фирм было несколько, оставшихся от сотен, существовавших раньше. Начали они свою деятельность еще 200-

300 лет тому назад торговлей неграми («Эбеновым деревом», как тогда говорилось). Дело было выгодно и дома страшно богатели. Имелись большие, специально построенные, большие помещения и загоны и центры для негров в те времена иа острове Горэ, против Дакара. Туда черных свозили со всей Африки, где они покупались от шефов деревень и захватывались часто, особыми экспедициями. Были особые агенты, что знали прекрасно свое дело и нужные рынки.

На острове до последнего времени сохранились подвалы и устройства для жизни рабов. По ним видно, какой размах имела эта торговля. Черные отбирались, подлечивались, откармливались и посылались дальше в Южную и Северную Америку. Завозили туда и свои верования и обычаи и, в большом количестве, теперь, доставляют своим, бывшим хозяевам, хлопоты и неприятности.

На острове все постепенно разрушается и большая половина города перешла во власть военных. Торговые дома перешли на материк и построили огромные склады, а отделения магазинов разбросаны были по всей французской Африке. Александр был обаятельный и милый собеседник и человек общества, много видел, пережил и прекрасно рассказывал. Был он с причудами и не со «всеми кнопками в голове». Он всегда мог что нибудь выкинуть экстровагантное. Прекрасный игрок в тенис, не находил себе партнеров. Такой же стрелок, он часто состязался в стрельбе по котам с доктором. Проигравший ставил виски. Стрелять можно было не как попало, а в точно указанное место: правый или левый глаз, например. Второй выстрел по той же цели штрафовался в двойне. Результаты точно котролировались и велась всему запись.

Любители охоты, оба проводили свободное время за этим занятием. Помогал им черный, которого они окрестили, по Тургеневу, Ермолаем. Этот феномен был рожденный и убежденный охотник и страстный любитель этого дела. Стоило только намекнуть и он все бросал и пявлялся. Всю округу знал прекрасно и где, что можно было убить. Обладал редким, настоящим собачьим чутьем и идя против ветра, точно указывал, где что находилось. Здесь, мол, куропатки, здесь — цессарки (пентады), здесь — кролик или заяц и т. д. Сам стрелял из допотопного ружья, но не очень любил его из за шума и предпочитал маленький лук. Стрелял без промаха.

Одной из странностей Александра было испытать все на личном опыте и испробывать все на вкус, что видел. Если не имелось объяснений, что, мол, такое мясо или животное есть нельзя, т. к. оно очень жесткое или вонючее, то немедленно звался повар доктора — Бубакар и ему приказывалось изготовить это так или иначе. Вероятно, эта привычка появилась у него, когда он служил в Легионе, там от скуки можно было набраться всему. Первое время Бубакар упрямился и убеждал, что это готовить не годится и никто это не ест и считал для себя, повара, заниматься такой странной вещью унизительным и обидным, но потом привык и беспрекословно все готовил и, даже заинтересовался такой причудой белых. Доктору же было все равно.

Таким образом было перепробовано все, что можно было достать ружьем или палкой. Привозились и редкости, Бог знает, где добытыя Александром. Мясо гипопотама, горб верблюда (сплошной жир), боа (похоже на мясо кролика, но нежней), какие то пальмовыя крысы (белки), различные змеи, коршуны, марабу, суслики и прч. Большинство, конечно, было несъедобное, но кое что было не плохо и вошло в обиход.

Однажды, сидя в шезлонгах и болтая, услыхали оба они мяуканье на крыше. Так как появление котов стало теперь уже редкостью, а это был беспорно один из последних оставшихся котов—вероятно желавший покончить свою жизнь самоубийством — то оба, бросив жребий, поручили выигравшему его убить.

Раздался выстрел и кот скатился с крыши. «Бабукар — отдай его кому-нибудь», отдан был приказ. «Нет, нет», запротестовал Александр. «Я, без сомнения, многократно ел котов в ресторанах, но это было при полном моем неведении. А теперь я хотел бы точно знать его вкус, без всякой ошибки и наверняка. Бабукар, у тебя есть время и ты его сделаешь так то и так, по всем правилам кулинарной науки, как рагу из кролика с красным вином и проч. специями. Можешь!» — «Конечно, господин!» — «Ну и валяй». Кота за хвост понесли на кухню.

Часам к семи вечера раздался гудок автомобиля и подкатил маленький, дребезжащий экипажек. Вылезла пара знакомых чиновников—муж и жена, как раз тех, что жили раньше в этом доме. «Доктор, мы проездом. Можно ли у вас остановиться и поесть?» «Конечно». «А, что у вас есть на ужин? Наверное, дичь. Вы нам, ведь всегда и часто раньше ее посылали?» Это, правда, не будучи в состоянии всего убиваемого съедать, доктор посылал застрелянную дичь, чаще всего зайцев и кроликов, своим соседям. «Нет, мадам, на этот раз это не кролик, а кошка!» — «Ха, ха, ха. Ну, давайте есть кошку».

«Бубакар, готово ли у тебя?» — «Да, господин» — «Ну так и подавай». Начали с апертивов, потом сели за стол, пошел суп, потом запахло прелестно рагу. Налегли на него. Особенно, проголодавшиеся приезжие. Когда все было съедено, мадам, что то всеже показалось подозри-

тельным и она опять спросила. «А что же мы все же ели? — так вкусно было!» — «Кошку, мадам». Она позвала повора. «Бубакар, что мы ели?» — «Кошку, мадам». «Ха, ха, ха! — Даже повара научили глупостями отвечать!» Но Бубакар обидился и сказал: «Я не вру, мадам, сейчас тебе принесу ее шкуру». Сбегал на кухню и приволок за хвост, кожу. Мадам посмотрела и закричала. «Ведь это моя Мину, самая любимая кошечка». «Вероятно, да», сказал Александр, «поэтому, наверное, она была такая вкусная!» Тут вся трагедия дошла, наконец, до сознания мадам. Ей стало плохо. Пришлось ее лечить, помогать и мужу. Пришельцы решительно отказались ночевать и укатили дальше Никаких объяснений принимать позже не хотели. «Ведь мы вам все время говорили, что это кошка, почему вы не верили? — Это ваша вина и капризы Рагу было дивное, вы сами признали и благодарили. Нам жаль теперь, что столько застреленных кошек отдали на съедение черным, но прошлого не воротишь, как жаль». Муж говорил потом, что с этого момента он в первый раз почувствовал, что у него есть язва желудка (позже он действительно, был оперирован). Доктор же утверждал, что он из жадности съел половину кастрюли, это не каждый, даже негр, выдержит. Произошло острое растяжение желудка и от этого, в лопнувшем месте его, язва. «Вольно же, человеку, жадничать! Не может же он, хозяин, смотреть гостям в рот и считать куски? Сами же хозяева остались почти полу голодными. Если бы они знали, что приедут гости, то посторались бы достать двух котов».

Но с того вечера отношения между знакомыми испортились (пробежал как бы заяц между ними).
